

Том 5 № 1(9)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Казанского юридического института МВД России

Редакционный совет

д.ю.н., доцент **Агапов П.В.**
(Академия Генеральной прокуратуры РФ)
д.ю.н., профессор **Воронин М.Ю.**
(Московский государственный
лингвистический университет)
д.ю.н., профессор **Номоконов В.А.**
(Дальневосточный федеральный
университет)
д.ю.н., доцент **Рогова Е.В.**
(Восточно-Сибирский институт МВД России)
д.ю.н., профессор **Юзиханова Э.Г.**
(Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России)

ISSN 2541-8262

электронный
научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего
образования «Казанский юридический
институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Главный редактор: Ф.К. Зиннуров

Корректоры: О.Н. Хрусталева,
Е.В. Зотина

Дизайн, верстка: Е.О. Смирнова

Перевод: Е.О. Смирнова

Периодичность выхода журнала –
2 раза в год

Журнал входит в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федераль-
ной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массо-
вых коммуникаций 25 августа 2016 г.
Регистрационный номер Эл
№ ФС 77-66976

2020

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент **Зиннуров Ф.К.**, начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов С.Н.**, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе)

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор **Казанцев С.Я.**, профессор кафедры криминалистики

д.ю.н. **Алиулов Р.Р.**, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД

д.с.н., профессор **Комлев Ю.Ю.**, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии

д.ю.н., доцент **Андреев М.В.**, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

к.ю.н., доцент **Гарафутдинов М.Р.**, заместитель начальника института (по учебной работе)

к.ю.н., доцент **Шалагин А.Е.**, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

к.пед.н., доцент **Хрусталева О.Н.**, начальник редакционно-издательского отделения

© Казанский юридический институт МВД России, 2020

Редакционно-издательское отделение

Адрес: 420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128
email: vestnikkui@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Кабиров Д.Э.

Деятельность правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны: к историографии вопроса.....5

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Амирова Д.К., Никифоров Ю.А.

Юридикто-технические конструкции составов преступлений, предусмотренных статьями 264, 264¹ Уголовного кодекса РФ.....11

Бредихин А.Л.

Право как средство легитимации государственной власти на этапе становления Русского централизованного государства.....17

Идиятуллов А.Д.

Преступления, связанные с понуждением к суицидальному поведению, в истории российского законодательства.....23

Каримов А.М.

Заглаживание причиненного преступлением социального вреда.....31

Шавалеев Б.Э.

Особенности мошенничества с использованием электронных средств платежа в структуре современной российской преступности.....36

Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю.

Формирование антикоррупционного поведения и противодействие коррупции.....40

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Макович Г.В.

Лингвистические компетенции в правовом анализе законодательных актов...48

Старостин В.Г.

Особенности формирования профессионально важных качеств курсантов образовательных организаций МВД России.....52

CONTENTS

TO THE 75-TH ANNIVERSARY OF THE SECOND WORLD WAR

Kabirov D.E.

Law Enforcement Agencies in the Great Patriotic War: Historiography.....5

LAW

Amirova D.K., Nikiforov Yu.A.

Legal and Technical Structures of the Corpus Delicti Provided by Articles 264, 264¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.....11

Bredikhin A.L.

Law as a Means of Legitimizing State Power at the Stage of Formation of the Russian Centralized State.....17

Idiyatulloev A.D.

Suicidal Inducement Crimes in History of the Russian Legislation.....23

Karimov A.M.

Reparation for Social Harm Caused by Crime.....31

Shvaleyev B.E.

Electronic Devices of Payment Fraud in Crime of the Russian Federation36

Shalagin A.E., Grebenkin M.Y.

Anti-Corruption Behavior Enhancing and Anti-Corruption Countermeasures40

HUMANITIES

Makovich G.V.

Linguistic Competence in Legal Analysis of Laws.....48

Starostin V.G.

Features of Professionally Important Qualities Development in Cadets of Educational Organizations of MIA of Russia.....52

Д.Э. Кабиров

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE GREAT PATRIOTIC
WAR: HISTORIOGRAPHY

В статье рассматривается историография деятельности правоохранительных органов нашей страны, в том числе Республики Татарстан, в годы Великой Отечественной войны; выявляются особенности освещения в исторической литературе различных аспектов организации и работы органов внутренних дел и прокуратуры тыловых регионов страны в годы военных испытаний.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историография, правоохранительные органы, прокуратура, милиция

Для цитирования: Кабиров Д.Э. Деятельность правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны: к историографии вопроса // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 1(9). С. 5 – 10.

5

5

The author discusses historiography of the activity of internal affairs bodies of Russia including the Republic of Tatarstan in the Great Patriotic War; distinguishes features of clarification of some aspects of organization and work of internal affairs bodies and the Public Prosecutors Office of base regions of the country during the hard times in historiography.

Keywords: the Great Patriotic War, historiography, law enforcement agencies, prosecutor's office, militia

For citation: Kabirov D.E. Law Enforcement Agencies in the Great Patriotic War: Historiography // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 5. No 1(9). Pp. 5 – 10.

В годы Великой Отечественной войны произошли кардинальные изменения в деятельности правоохранительных органов страны. Многие сотрудники добровольцами ушли на фронт. А на работников, которые остались в тылу, была возложена задача: обеспечить в новых экстремальных условиях выполнение законодательства военного времени, охрану общественного порядка.

Следует подчеркнуть, что у правоохранительных органов появилось много новых функций, обусловленных чрезвычайной обстановкой. Они занимались не только борьбой с преступностью, но и оборонными, хозяйственными, социальными вопросами. Среди них можно выделить: вопросы мобилизации, противодей-

ствия вражеской агентуре, организации размещения эвакуированных предприятий и гражданского населения и т.д. Подобная многоаспектность свидетельствует о значительном возрастании роли правоохранительных органов в военный период. То, какие задачи выдвигались на первый план в их работе, зависело от региона. Районы страны по отношению к линии фронта можно было разделить на тыловые, прифронтовые, оккупированные; соответственно этому выделялись и разные направления в деятельности региональных организаций правоохранительных органов в военные годы.

Историография рассматриваемого ключевого момента в истории нашей страны и всего мира характеризуется

многообразием научных походов. О войне написано значительно больше научных и художественных произведений, чем о каком-либо ином периоде отечественной истории. О Великой Отечественной войне пишут историки, военные, политики, писатели и др. Однако тема эта неисчерпаема. «Война не окончена, пока не похоронен последний солдат», – говорил фельдмаршал А.В. Суворов. Не до конца исследованными остаются вопросы деятельности органов государственной власти; упущений при подготовке отдельных стратегических операций и т.д., что создает основу для фальсификаций событий прошедшей эпохи. Недаром Президент России В.В. Путин в послании к Федеральному собранию от 15 января 2020 г. отметил, что «Россия обязана обеспечить сохранение правды о Великой Отечественной войне и противостоять попыткам фальсификации ее истории. Мы обязаны защитить правду о Победе, иначе, что скажем нашим детям, если ложь, как зараза, будет расползаться по всему миру? Наглому вранью, попыткам переиначить историю мы должны противопоставить факты. В России будет создан крупнейший и самый полный комплекс архивных документов, кино- и фотоматериалов по Второй мировой войне, доступных и для наших граждан, и для всего мира. Такая работа – наш долг как страны-победительницы и ответственность перед будущими поколениями»¹.

Отсутствует единый подход и в изучении деятельности правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны, существуют различные варианты хронологии данной проблемы. Одни авторы традиционно выделяют несколько этапов развития исторических исследований по данной теме: 1 – 1941–1953 гг.; 2 – 1953–1970 гг.; 3 – 1970–1985 гг.; 4 – 1985–1991 гг.; 5 – 1991– по настоящее время [1]. Другие историки выделяют только два периода: советский и постсоветский [2].

Исследование учеными деятельности государственных правоохранительных органов в советское время осложнялось тем, что вопросы, являвшиеся предметом изучения, зачастую относились к государственной безопасности. И сейчас еще есть документы ограниченного доступа, в которых отражены различные аспекты организации и правового обеспечения деятельности правоохранительных органов. К ним относятся: изменение структуры и штатной численности правоохранительных органов; недостатки в работе и злоупотребления руководителей разных уровней.

Закрытость источников, особенно засекреченных архивных документов, создавали существенные трудности при исследовании данной проблемы в советский период. Высокая степень идеологизации вопросов, связанных с Великой Отечественной войной, являлась основой для многократных попыток «переписать» историю «под себя», учитывая только свои интересы. Все это нашло отражение в неоднозначных методологических подходах к данной теме. Так, в советский период деятельность органов внутренних дел, прокуратуры показывалась только с положительной стороны, в работах историков и воспоминаниях ветеранов акцент делался на подвигах сотрудников на фронте и в тылу, их вкладе в разгром врага. С другой стороны, в 90-е годы внимание исследователей зачастую сосредоточивалось лишь на карательной сущности деятельности органов правоохраны.

Первые работы о деятельности правоохранительных органов в годы войны появились в 40-е годы XX века. Вышел ряд работ о подвигах сотрудников милиции на фронтах Великой Отечественной войны. «В них описывались примеры героизма и мужества сотрудников органов внутренних дел. Указанные статьи и сборники носили четкую идеологическую

¹Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.04.2020).

направленность, имели откровенно агитационный и мобилизующий характер. Они были призваны укрепить авторитет органов внутренних дел, поднять боевой дух личного состава» [3,4]. Здесь не было анализа основных направлений деятельности милиции, они были написаны в форме популярных статей.

Первой научной работой, в которой исследуются некоторые аспекты деятельности органов НКВД в военные годы, стала монография А.Г. Галкина «Особенности работы милиции в годы Великой Отечественной войны» [5]. Деятельность прокуратуры в военный период изучали Д.С. Карев и Н.И. Савицкий, в 1948 г. вышел их труд «Очерки истории советской военной прокуратуры» [6]. В 50-е годы были опубликованы работы М.В. Кожевникова, В.Г. Лебединского [7, 8] и др., в которых рассматривалась поэтапная история развития правоохранительных органов в советский период; отдельные главы в этих трудах посвящены деятельности прокуратуры в годы Великой Отечественной войны. В работах Б.А. Викторова и Б.П. Кравцова анализировались вопросы изменения законодательства, в том числе уголовного права в период войны.

В 60–80-е годы XX века выходит ряд обобщающих работ, посвященных советским правоохранительным органам [9, 10]. Они опираются на достаточно широкую источниковую базу, однако их общим недостатком, обусловленным историко-партийным подходом к проблеме, являлось чрезмерное внимание к вопросам партийного руководства деятельностью правоохранительных органов. Важное место среди них занимают работы бывших руководителей прокуратуры. В них фактический материал, как правило, дается в сочетании с воспоминаниями (мемуарами) о деятельности прокуратуры в годы Великой Отечественной войны [11, 12].

Следующий этап исследования заявленной темы начался в 90-е годы. Изменение общественно-политической ситуации в стране, распад СССР, отстранение от власти КПСС и, как следствие, смена

идеологии привели к появлению нового поколения научных работ общероссийского и регионального формата, на обширном, «рассекреченном» материале рассматривающих различные направления деятельности органов правопорядка в военные годы.

Именно на этом этапе историографии появились исследования о деятельности правоохранительных органов Татарстана. Был опубликован целый ряд изданий, посвященных юбилеям основания отдельных служб и подразделений органов внутренних дел республики [13, 14, 15]. В коллективной работе «На страже порядка» впервые в региональной исторической науке были проанализированы основные направления работы органов НКВД в военные годы по обеспечению общественного порядка, борьбе с преступлениями военного времени [16]. Фронтовая служба сотрудника прокуратуры Татарстана А.Х. Валиева нашла отражение в его воспоминаниях, вышедших в 2000 году [17].

Значительный вклад в изучение истории Татарстана военных лет вносит доктор исторических наук А.Ш. Кабирова. В 2015 г., в год юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне, она написала монографию «Татарстан в годы военных испытаний». В ней автор рассматривает широкий круг вопросов, характеризующих практически все основные сферы жизнедеятельности татарстанцев в военное лихолетье. В том числе серьезное внимание в книге уделено работе органов правопорядка по борьбе с преступностью. Ею же подготовлен ряд статей (некоторые – в соавторстве), в которых анализируются особенности работы правоохранительных органов ТАССР в годы войны [18, 19, 20, 21].

Неоднократно обращался к теме деятельности прокуратуры Татарстана в годы Великой Отечественной войны доктор юридических наук Ф.Н. Багаутдинов. Он опубликовал ряд работ о прокурорах Татарской республики, работавших в 20-40-е годы, а также проанализировал ос-

новые проблемы в деятельности прокуратуры военного периода [22, 23].

Вопросы организации работы НКВД в экстремальных условиях поднимают в своих трудах М.Ю. Гребенкин, С.Н. Миронов [24, 25]. Они характеризуют специфические функции милиции в годы войны; раскрывают особенности службы сотрудников в чрезвычайных условиях.

Таким образом, изучение деятельности правоохранительных органов сохраняет свою актуальность. Особенно важно исследование объективного исторического опыта их работы в переломные моменты развития российского государства, к которым следует отнести и

годы Великой Отечественной войны, так как свидетелей тех лет становится все меньше, а всевозможных фальсификаторов, использующих недостоверные документы и тенденциозно трактующих их, все больше. Во многом это связано и с современной политической ситуацией в мире.

Анализ развития отечественной правоохранительной системы в условиях военного времени, выявление особенностей ее деятельности на примере важнейших тыловых регионов страны позволяет выделить общие тенденции в развитии государственных институтов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емелин С.М. Историография деятельности органов НКВД-МВД в конце 1930-х – середине 1950-х гг. // История государства и права. 2009. № 24. С. 41 – 45.
2. Пашкин А.Г. Уголовная преступность и борьба с ней в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2012. 24 с.
3. Бойцы войск НКВД на фронтах Отечественной войны. М., 1942. 45 с.
4. Герой Ленинградского фронта – Николай Красношопка. Л., 1944. 4 с.
5. Галкин А.Г. Особенности работы милиции в годы Великой Отечественной войны. М.: Центральная школа милиции НКВД СССР, 1943. 112 с.
6. Карев Д.С., Савицкий Н.И. Очерки истории советской военной прокуратуры. М.: Изд-во РИО ВЮА, 1948. 104 с.
7. Кожевников М.В. Пути развития советской прокуратуры // Ученые записки. Труды юридического факультета. М.: Изд-во МГУ, 1950. Вып. 147, кн. 5. С. 17 – 145.
8. Лебединский В.Г. Советская прокуратура и ее деятельность в области общего надзора / под ред.: Болдырева В.А. М.: Госюриздат, 1954. 155 с.
9. Биленко С.В., Максименко Н.П. Этапы развития советской милиции. М., 1972. 224 с.
10. Базаров Ф.Е., Назаров А.П. Советская милиция в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): по материалам Поволжья и Западной Сибири. Омск, 1979. 145с.
11. Горный А.Г. Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Социалистическая законность. 1970. № 5. С. 3 – 9.
12. Максимов С.С. Военные трибуналы в годы Великой Отечественной войны // Социалистическая законность. 1975. № 4. С. 36 – 39.
13. Госавтоинспекция Республики Татарстан. 1936–1996: история, современность. Казань, 1996.
14. Давлятбаев Н.Ф., Шайдуллин Р.Ф. Криминалисты на службе правосудия. Казань, 1999. 178 с.
15. Управлению паспортно-визовой службы МВД Республики Татарстан – 70 лет / сост. Ю.А. Андреева. Казань, 2002. 325 с.
16. На страже порядка. Книга первая. МВД Республики Татарстан / А.А. Маликов, А.Н. Латышев, Ш.Н. Мулаянов. Казань: РИЦ «Лиана», 1997. 256 с.
17. Валиев А.Х. Записки военного прокурора. Казань: Матбугат йорты, 2000. 136 с.
18. Кабирова А.Ш. Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). Казань: Институт истории им.Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Яз», 2015. 508 с.
19. Кабирова А.Ш. Борьба с экономическими преступлениями в период Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. материалов междунар. науч. конф. СПб: Культурно-просветительское товарищество, 2016. С. 52–58.

20. Кабиров А.Ш., Кабиров Д.Э. Основные направления противодействия органов НКВД экономической преступности в Татарской АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 2. С. 160 – 168. DOI:10.24420/KUI.2018.32.13961.
21. Кабиров А.Ш., Кабиров Д.Э. Деятельность органов прокуратуры Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 8 – 18. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.001.
22. Багаутдинов Ф.Н. Прокуроры Татарской республики (1922–1946 гг.). Казань: Акад. наук РТ и др., 2014. 275 с.
23. Багаутдинов Ф.Н. Прокуратура ТАССР в годы войны // Научный Татарстан. 2015. № 2. С. 72 – 91.
24. Гребенкин М.Ю. Милиция Татарстана в годы Великой Отечественной войны: учеб. пособие. Казань: КЮИ МВД России. 2010. 267 с.
25. Гребенкин М.Ю., Миронов С.Н. Деятельность органов внутренних дел Татарстана в годы Великой Отечественной войны // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 3. С. 256 – 263. DOI: 10.24420/KUI.2019.40.25.001.

REFERENCES

1. Emelin S.M. Istoriografiya deyatel'nosti organov NKVD-MVD v konce 1930-h – seredine 1950-h gg. // Istoriya gosudarstva i prava. 2009. № 24. S. 41 – 45.
2. Pashkin A.G. Ugolovnaya prestupnost' i bor'ba s nej v Ul'yanovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: 1941–1945 gg.: avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Kazan', 2012. 24 s.
3. Bojcy vojsk NKVD na frontah Otechestvennoj vojny. M., 1942. 45 s.
4. Geroj Leningradskogo fronta – Nikolaj Krasnoshapka. L., 1944. 4 s.
5. Galkin A.G. Osobennosti raboty milicii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. M.: Central'naya shkola milicii NKVD SSSR, 1943. 112 s.
6. Karev D.S., Savickij N.I. Ocherki istorii sovetskoj voennoj prokuratury. M.: Izd-vo RIO VYUA, 1948. 104 s.
7. Kozhevnikov M.V. Puti razvitiya sovetskoj prokuratury // Uchenye zapiski. Trudy yuridicheskogo fakul'teta. M.: Izd-vo MGU, 1950. Vyp. 147, kn. 5. S. 17 – 145.
8. Lebedinskij V.G. Sovetskaya prokuratura i ee deyatel'nost' v oblasti obshchego nadzora / pod red.: Boldyreva V.A. M.: Gosyurizdat, 1954. 155 s.
9. Bilenko S.V., Maksimenko N.P. Etapy razvitiya sovetskoj milicii. M., 1972. 224 s.;
10. Bazarov F.E., Nazarov A.P. Sovetskaya miliciya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941 – 1945 gg.): po materialam Povolzh'ya i Zapadnoj Sibiri. Omsk, 1979. 145 s.
11. Gornij A.G. Voennaya prokuratura v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Socialisticheskaya zakonnost'. 1970. № 5. S. 3 – 9.
12. Maksimov S.S. Voennye tribunaly v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Socialisticheskaya zakonnost'. 1975. № 4. S. 36 – 39.
13. Gosavtoinspekciya Respubliki Tatarstan. 1936 – 1996: istoriya, sovremennost'. Kazan', 1996.
14. Davlyatbaev N.F., SHajdullin R.F. Kriminalisty na sluzhbe pravosudiya. Kazan', 1999. 178 s.
15. Upravleniyu pasportno-vizovoj sluzhby MVD Respubliki Tatarstan – 70 let / sost. YU.A. Andreeva. Kazan', 2002. 325 s.
16. Na strazhe poryadka. Kniga pervaya. MVD Respubliki Tatarstan / A.A. Malikov, A.N. Latyshev, SH.N. Mulayanov. Kazan': RIC «Liana», 1997. 256 s.
17. Valiev A.H. Zapiski voennogo prokurora. Kazan': Matbugat jorty, 2000. 136 s.
18. Kabirova A.SH. Tatarstan v gody voennyh ispytaniy (1941–1945 gg.). Kazan': Institut istorii im.SH. Mardzhani AN RT; Izd-vo «YAz», 2015. 508 s.
19. Kabirova A.SH. Bor'ba s ekonomicheskimi prestupleniyami v period Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Tatarskoj ASSR) // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyj aspekt). Sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. SPb: Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, 2016. S. 52 – 58.
20. Kabirova A.SH., Kabirov D.E. Osnovnye napravleniya protivodejstviya organov NKVD ekonomicheskoy prestupnosti v Tatarskoj ASSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. Т. 9, № 2. С. 160 – 168. DOI:10.24420/KUI.2018.32.13961.
21. Kabirova A.SH., Kabirov D.E. Deyatel'nost' organov prokuratury Tatarskoj ASSR v gody Velikoj

Otechestvennoj vojny // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 11, № 1. S. 8 – 18. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.001.

22. Bagautdinov F.N. Prokurory Tatarskoj respubliki (1922–1946 gg.). Kazan': Akad. nauk RT i dr., 2014. 275 s.

23. Bagautdinov F.N. Prokuratura TASSR v gody vojny // Nauchnyj Tatarstan. 2015. № 2. S. 72 – 91.

24. Grebenkin M.YU. Miliciya Tatarstana v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: ucheb. posobie. Kazan'. KYUI MVD Rossii. 2010. 267 s.

25. Grebenkin M.YU., Mironov S.N. Deyatel'nost' organov vnutrennih del Tatarstana v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. T. 10. № 3. S. 256 – 263. DOI: 10.24420/KUI.2019.40.25.001.

Кабилов Дмитрий Эрнстович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России
e-mail: kabirov64@inbox.ru

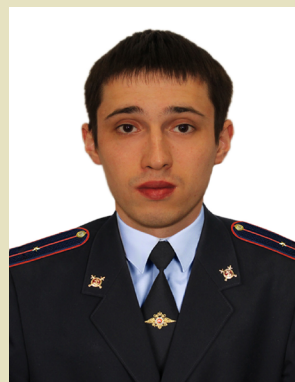
Kabirov Dmitrii Ernstovich, Candidate in History (Research doctorate), Associate Professor, Assistant Professor of Civil and Law, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: kabirov64@inbox.ru

©Кабилов Д.Э., 2020

Статья получена: 02.04.2020. Статья принята к публикации: 15.04.2020. Статья опубликована онлайн: 30.04.2020.

Д.К. Амирова

Ю.А. Никифоров

ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 264, 264¹
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGAL AND TECHNICAL STRUCTURES OF THE CORPUS DELICTI
PROVIDED BY ARTICLES 264, 264¹
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье исследуются вопросы, связанные с социальной обусловленностью криминализации преступлений, предусмотренных ст. 264, 264¹ Уголовного кодекса РФ (УК РФ)¹. Авторы проводят ретроспективный анализ уголовно-правовых норм, содержащихся в ст. 264, 264¹ УК РФ. В статье рассмотрено законодательство стран СНГ, связанное с преступными нарушениями правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Авторами выделены проблемные аспекты применения указанных составов преступлений, предложены конкретные пути разрешения пробелов в уголовно-правовом регулировании данной сферы общественных отношений.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, преступления, транспортные преступления, транспортная безопасность, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств

Для цитирования: Амирова Д.К., Никифоров Ю.А. Юридикo-технические конструкции составов преступлений, предусмотренных статьями 264, 264¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 1(9). С. 11 – 16.

The authors investigate issues related to the social conditioning of the criminalization under Articles 264, 264¹ of the Criminal Code²; conduct a retrospective analysis of the criminal law standards contained in Articles 264, 264¹ of the Criminal Code of the Russian Federation; discuss the legislation of the CIS countries related to criminal violations of traffic rules and maintenance of vehicles. The authors highlight the issues of the application of defined components of crimes, propose specific ways to resolve lacunae in the criminal law regulation of this sphere of public relations.

Keywords: road safety, crimes, traffic crimes, transport safety, crimes against traffic safety and operation of vehicles

For citation: Amirova D.K., Nikiforov Yu.A. Legal and Technical Structures of the Corpus Delicti Provided by Articles 264, 264¹ of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 5. No 1(9). Pp. 11 – 16.

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020).

В современных условиях идет постоянный рост дорожно-транспортных происшествий, в том числе произошедших по вине водителей в состоянии опьянения. Ежедневно в различных субъектах Российской Федерации сотрудники Дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ДПС ГИБДД) регистрируют трагические происшествия с гибелью людей по вине водителей транспортных средств. Эта информация, как сводки с фронтов, позволяет сделать образный вывод, что Россия убивает себя на дорогах [1, с. 35]. Смертность на дорогах России относится к числу серьезнейших социально-экономических проблем современности. Приоритетной задачей национального законодательства является сохранение жизни и здоровья участников дорожного движения. Снижения аварийности на дорогах и повышения безопасности дорожного движения можно добиться только лишь за счет повышения дисциплины на дорогах, качества дорожной инфраструктуры, организации дорожного движения, установления адекватных мер ответственности за соответствующие нарушения правил дорожного движения. В результате таких мер общество вполне может рассчитывать на сокращение демографического и социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий.

В настоящее время в литературе нет четкого определения понятия «транспортные преступления». По мнению Н.Г. Кадникова, под транспортными преступлениями целесообразно понимать содержащиеся в уголовном законе общественно опасные деяния, которые посягают на нормальное функционирование (движение и эксплуатацию) железнодорожного, воздушного, водного, автомобильного и магистрального трубопроводного транспорта и которые фактически причинили вред

жизни, здоровью граждан либо ущерб имущественного, организационного, морального характера [2, с. 716]. В свою очередь В.Е. Суденко считает, что транспортные преступления представляют собой сложные общественно опасные деяния с альтернативными последствиями, причиняющими вред как интересам граждан, так и интересам нормальной деятельности определенной транспортной структуры и в конечном итоге всей транспортной системе [3, с. 173]. Представляется, что наиболее точно отразить сущность этого явления позволит предлагаемая нами авторская дефиниция: транспортные преступления – это специально предусмотренные Уголовным кодексом общественно опасные деяния, наносящие существенный вред общественным отношениям в сфере безопасности движения и эксплуатации транспортных средств и влекущие за собой альтернативные общественно опасные последствия либо создающие угрозу их наступления.

Отличительной особенностью норм, содержащихся в главе 27 Особенной части УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», является бланкетный характер, что затрудняет их буквальное толкование и применение.

В России формирование устойчивых моделей норм, предусматривающих ответственность за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, значительно растянуто во времени, однако и на современном этапе нет четкого очертания данного института уголовного права. Для отечественного законодательства ключевым актом, составляющим основу формирования таких норм, стало Соборное Уложение 1649 г.¹ Именно этот период является точкой отсчета в истории становления института уголовной ответственности за указанные преступления.

¹Соборное Уложение 1649 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (дата обращения: 24.02.2020).

Прототипом современного вида нормы, предусмотренной ст. 264 УК РФ, являлась норма Уголовного уложения 1903 г.¹, предусматривающая материальный состав. Специальных норм, предусматривающих ответственность за нарушения правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств общим субъектом, не было вплоть до 1950 г., а совершение указанных деяний такими лицами влекло ответственность за преступления против личности. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года² впервые появились нормы в том виде, в котором мы наблюдаем их в Уголовном кодексе РФ 1996 года. Прототипом современной ст. 264.1 УК РФ являлась норма, предусмотренная ст. 211.1 УК РСФСР 1960 г., введенная на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР 1968 г.³, в последующем отмененная. Соответственно, законодатель ранее прибегал к институту административной преюдиции, а также последующему отказу от него. Кроме того, современная норма, содержащаяся в статье 264 УК РФ, соответствует по своему содержанию ст. 211 УК РСФСР 1960 года. Примечательно, что санкция ст. 211 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. предусматривала до 15 лет лишения свободы. Санкция современной нормы ст. 264 УК РФ в июне 2019 года была изменена – максимальный срок наказания за совершение данного преступления был установлен законодателем с 9 до 15 лет лишения свободы⁴, что, по-нашему мнению, в условиях ухудшения состояния безопасности на дорогах пред-

ставляется вполне закономерным. Кроме того, в связи с тем, что форма вины в составе преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, может быть выражена только неосторожностью, а положения Общей части не позволяют отнести такие преступления к категории тяжких, законодатель параллельно с изменением санкции вышеуказанного состава преступления внес изменения и в ст. 15 УК РФ Общей части УК РФ. В соответствии с новой редакцией ст. 15 УК РФ к категории тяжких теперь следует относить также неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 15 лет лишения свободы⁵. В результате нововведений были подвержены изменениям некоторые механизмы Общей части УК РФ (сроки освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, сроки погашения судимости и др.).

Уголовное законодательство стран ближнего зарубежья также имеет свои специфические черты. Например, Уголовный кодекс Украины⁶, Уголовный кодекс Республики Казахстан⁷ и Уголовный кодекс Республики Молдова⁸ предусматривают уголовную ответственность не только за причинение тяжкого вреда здоровью человека в результате дорожно-транспортного происшествия по вине водителя, но и за вред здоровью средней тяжести. Полагаем, в отечественном уголовном законодательстве применительно к норме статьи 264 УК РФ необходимо предусмотреть последствия в виде причинения вреда здоровью средней тяжести. Пре-

¹Уголовное уложение 1903 г. (документ утратил силу). URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 24.02.2020).

²Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) (документ утратил силу). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2020).

³О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: указ Президиума ВС РСФСР от 19.06.1968 (документ утратил силу). СПС «Гарант» (дата обращения: 25.02.2020).

⁴О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17.06.2019 №146-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2020).

⁵Там же.

⁶Уголовный кодекс Украины с изменениями от 06.12.2017. URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks> (дата обращения: 26.02.2020).

⁷Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 (с изм. и доп. по состоянию на 11.01.2020). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 26.02.2020).

⁸Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV (с изм. и доп. по состоянию на 15.11.2018). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 26.02.2020).

ступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, является материальным составом – для реализации в полной мере объективной стороны преступления необходимо наступление общественно опасных последствий в виде тяжкого вреда здоровью, наступления смерти или крупного ущерба. На наш взгляд, в конструкцию состава, учитывая в том числе и опыт других стран, необходимо включить вред здоровью средней тяжести, а также иные тяжкие последствия, то есть расширить сферу применения данной уголовно-правовой нормы.

В настоящее время возникают ситуации, когда транспортные средства используются с целью понуждения потерпевшего заплатить деньги. В процессе таких проявлений грубо нарушаются правила безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. Полагаем, что в текст постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»¹ необходимо включить следующее положение: «Действия лица, направленные на понуждение потерпевшего к передаче материальных ценностей с помощью автомобиля, если это повлекло по неосторожности причинение смерти человеку, двум и более лицам, тяжкого вреда здоровью, вреда здоровью средней тяжести, крупного ущерба или иных тяжких последствий, надлежит квалифицировать по совокупности ст. 163, 264 Уголовного кодекса Российской Федерации». Кроме того, целесообразным считаем предусмотреть в тексте постановления Пленума Верховного Суда РФ рекомендации судам по поводу назначения реального срока лишения свободы за совершение

транспортных преступлений, повлекших наступление последствий в виде смерти человека или иных тяжких последствий.

Существует также проблема, связанная с тем, что действия лица, передавшего управление транспортным средством лицу, заведомо для виновного находящегося в состоянии опьянения или не имеющему специального права, остаются за рамками состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, что, вероятно, неоправданно. По своей сути такие лица (и передавшее управление, и управляющее транспортным средством) являются сопричинителями и их последовательные действия детерминируют наступление конечных общественно опасных последствий. По нашему мнению, необходимо внести поправку в ч. 1 ст. 264 УК РФ, а именно: после слов «...эксплуатации транспортных средств» добавить «...а равно действия лица по передаче управления транспортным средством лицу, заведомо для виновного находящегося в состоянии опьянения или не имеющему специального права на управление транспортным средством...».

Таким образом, редакция части первой статьи 264 УК РФ должна выглядеть следующим образом:

«Нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, а равно действия лица по передаче управления транспортным средством лицу, заведомо для виновного находящегося в состоянии опьянения или не имеющему специального права на управление транспортным средством, повлекшее по неосторожности причинение средней тяжести, тяжкого вреда здоровью человека, причинение крупного ущерба или иных тяжких последствий».

¹О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2020).

Существуют разные точки зрения относительно целесообразности введения в уголовный закон преюдициального состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Некоторые авторы, например Г.З. Анашкин, поддерживают данный институт, обосновывая свое мнение тем, что он вполне оправдывает ожидания законодателя по вопросу предупреждения и снижения общественно опасных проявлений в той или иной сфере общественной жизни [4, с. 36]. По мнению Ю.В. Грачевой, А.И. Коробеева, А.И. Чучаева, повторное совершение административного правонарушения не может превратить его в преступление. Рецепция института административной преюдиции в уголовном праве России – тупиковый путь развития этой отрасли права [5, с. 77]. На наш взгляд, нельзя недооценивать важность ст. 264.1 УК РФ, поскольку за несколько лет действия данной нормы правоохранительным органам удалось снизить количество зарегистрированных дорожно-транспортных происшествий с участием водителей, находящихся в состоянии опьянения. Место ст. 264.1 УК РФ в системе уголовно-правовых норм определяется тем, что государство ужесточает ответственность в отношении лиц, которые не поддались исправлению с помощью мер административного наказания. Исполнительные органы власти, привлекая лицо к административной ответственности за данное правонарушение, предупреждают правонарушителя о более суровых мерах в случае повторного нарушения порядка управления транспортным средством, которые и наступают в случае повторного совершения аналогичного правонарушения в течение года со дня реального исполнения наказания.

В конструкции состава рассматриваемой нормы существует некоторая неточность, свидетельствующая о низкой юридической технике национального уголовного законодательства и нуждающаяся в исправлении. Наименование ст. 264.1 УК РФ расходится с диспозицией. В

содержании диспозиции нормы одним из признаков состава преступления названо наличие у лица судимости, что никак не сопоставляется с пониманием административной ответственности, о которой говорится в названии. Таким образом, название ст. 264.1 УК РФ считаем необходимым изложить следующим образом: «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость».

Кроме того, сегодня ст. 264.1 УК РФ предусматривает максимальный срок наказания до двух лет лишения свободы. В связи с этим, руководствуясь ч. 1 ст. 108 УПК РФ¹, органы предварительного расследования не могут избрать меру пресечения в виде заключения под стражу. В результате такого положения вещей обвиняемый имеет возможность вновь сесть за руль в состоянии опьянения, что ставит охраняемые уголовным законом правоотношения в потенциально опасное состояние. В связи с вышеизложенным полагаем необходимым усилить ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, и, соответственно, изменить категорию данного состава преступления с категории небольшой тяжести преступления на категорию средней тяжести.

Таким образом, преступления, предусмотренные ст. 264 и 264.1 УК РФ, сегодня еще не приобрели четкого очертания, в практике применения существует немало вопросов, которые предстоит последовательно решить законодателю. Анализ количественных показателей аварийности и общественно опасных последствий вышеуказанных преступлений позволяет сделать вывод, что законодательство в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств развивается в правильном направлении и в ближайшей перспективе государству удастся добиться существенного снижения негативных социально-экономических последствий аварийности на дорогах.

¹Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прохоров Л.А. Актуальные вопросы противодействия преступным нарушениям Правил дорожного движения в России // Российский следователь. 2012. № 23. С. 35 – 38.
2. Кадников Н.Г. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. М.: Юриспруденция. 2016. 944 с.
3. Суденко В.Е. Транспортные преступления и их анализ // Мир транспорта. Вып. 4. 2013. С. 170 – 174.
4. Анашкин Г.З. О теоретических и практических проблемах применения и исследования нового уголовного законодательства // Теоретические и практические проблемы нового уголовного законодательства: сборник научных трудов, 1985. С. 36 – 39.
5. Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Чучаев А.И. Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого // LEXRUSSICA. 2015. № 4. С. 71 – 79.

REFERENCES

1. Prohorov L.A. Aktual'nye voprosy protivodejstviya prestupnym narusheniyam Pravil dorozhnogo dvizheniya v Rossii // Rossijskij sledovatel'. 2012. № 23. S. 35 – 38.
2. Kadnikov N.G. Uголовное право. Obshchaya i osobennaya chasti: uchebник. M.: YUrisprudenciya. 2016. 944 s.
3. Sudenko V.E. Transportnye prestupleniya i ih analiz // Mir transporta. Vyp. 4. 2013. S. 170 – 174.
4. Anashkin G.Z. O teoreticheskikh i prakticheskikh problemah primeneniya i issledovaniya novogo uголовного zakonodatel'stva // Teoreticheskie i prakticheskie problemy novogo uголовного zakonodatel'stva: sbornik nauchnyh trudov, 1985. S. 36 – 39.
5. Gracheva YU.V., Korobeev A.I., CHuchaev A.I. Novyj vid transportnogo prestupleniya kak modificirovannyj variant horosho zabytogo starogo // LEXRUSSICA. 2015. № 4. S. 71 – 79.

16

16

Амирова Диляра Кафилевна, кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: adk79@bk.ru

Никифоров Юрий Алексеевич, слушатель Казанского юридического института МВД России
e-mail: nikniky97@mail.ru

Amirova Dilyara Kafilevna, Candidate in Laws (Research doctorate), Associate Professor, Senior Lecturer of Criminal Law, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: adk79@bk.ru

Nikiforov Yuri Alekseyevich, Cadet, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: nikniky97@mail.ru

© Амирова Д.К., 2020

© Никифоров Ю.А., 2020

Статья получена: 23.03.2020. Статья принята к публикации: 15.04.2020. Статья опубликована онлайн: 30.04.2020.

Заявленный вклад авторов:

Амирова Д.К. – определение темы научного исследования; постановка цели и задач; определение объекта и методов исследования; научная редакция текста; подготовка аннотации, ее перевод на английский язык; оформление текста по заявленным требованиям.

Никифоров Ю.А. – подготовка первоначальной редакции основного текста статьи; формулировка теоретических выводов и разработка практических рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

А.Л. Бредихин

ПРАВО КАК СРЕДСТВО ЛЕГИТИМАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ
РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

LAW AS A MEANS OF LEGITIMIZING STATE POWER
AT THE STAGE OF FORMATION OF THE RUSSIAN
CENTRALIZED STATE

Внастоящей статье автор рассматривает право как средство легитимации государственной власти, юридический инструментарий, с помощью которого создаются условия и достигается состояние легитимности государственной власти. Автор обращает особое внимание на специфику права как средства легитимации для периода становления государственности и рассматривает в этом аспекте правовые документы, относящиеся ко времени становления Русского централизованного государства.

Ключевые слова: право, легитимность, легитимация, правовое средство, Русское централизованное государство, правовой инструментарий

Для цитирования: Бредихин А.Л. Право как средство легитимации государственной власти на этапе становления Русского централизованного государства // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 1(9). С. 17 – 22.

The author considers right as a means of legitimizing state power, a legal toolkit that helps create conditions and achieve state of legitimacy of public authorities. The author especially draws attention to the specifics of law as a means of legitimation for the period of the formation of statehood and considers the legal documents of the period of the formation of the Russian centralized state.

Keywords: law, legitimacy, legitimation, legal remedy, Russian centralized state, legal tools

For citation: Bredikhin A.L. Law as a Means of Legitimizing State Power at the Stage of Formation of the Russian Centralized State // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 5. No 1(9). Pp. 17 – 22.

Право как социальный институт выполняет несколько важных функций, главной из которых является функция правового регулирования, т.е. регулятивная, выражающая сущность права с точки зрения его роли и «определяющая смысл его существования как особой нормативной системы» [1, с. 169].

Действительно, роль права в социуме того или иного государства сводится главным образом к регулированию общественных отношений и реализации государственно-властных распоряжений. Право — это не только система норма-

тивного регулирования, но и целая научная отрасль, которая является одной из самых развитых в системе общественных наук. Более того, право иногда рассматривается как предшественник государства и его источник.

Право несет и информационную функцию, так как из нормативных актов формируется представление о действующих в ту или иную эпоху нормах, правилах поведения, обычаях и жизнедеятельности государства в целом.

Вместе с тем на право можно взглянуть и с точки зрения механизма леги-

тимации власти, так как право является важнейшим инструментом взаимоотношения общества и государства. Система правовых норм всегда сопровождает возникновение государственности, установление нового политического режима, а также используется государством в качестве своеобразного языка общения с населением, в том числе и в процессе обеспечения легитимности действующих властных институтов.

Легитимность представляет собой состояние принятия населением власти как таковой, доверие к этой власти и готовность добровольно ей подчиняться. Еще рассматривается «легитимность порядка, т.е. авторитетность, вера в его правомерность и справедливость» [2, с. 102]. Легитимность формируется в сознании гражданина (группы, общества в целом) и выражает его готовность подчиниться требованиям данного государственного порядка [3, с. 177].

М.Г. Тирских выделяет категорию «легитимности политического режима», под которой предлагает понимать не уровень поддержки обществом тех или иных методов, средств и способов политического управления, а то, насколько общество согласно с использованием в отношении него таких методов, готово ли оно подчиняться действиям власти, исполнять политические решения, принятые государственным аппаратом [4, с. 21].

Полагаем, что понятие легитимности власти включает в себя и легитимность государственного порядка, и политического режима, а также других атрибутов властвования.

Установление легитимности власти достигается в процессе ее легитимации, т.е. придании правомерности. Традиционно, вслед за немецким ученым М. Вебером, выделяют три типа легитимации: традицию, харизму и легальность [5, с. 168-169].

Традиционная легитимация основывается на господстве традиционного авторитета, уважении традиций и обыча-

ев, вере в их высшую справедливость и святость. Харизматическая легитимация связана с личностью правителя, обладанием им особыми способностями (знаниями, умениями и навыками), добродетелями и т.п. Легальная или рациональная легитимация связана с разумным и законным принятием власти. Это, например, выборы при демократическом устройстве государства.

Любой из этих видов легитимации предполагает правовую форму выражения легитимности верховной власти. Например, референдум 12 декабря 1993 г., в результате которого была принята Конституция Российской Федерации, был способом легитимации нового государственного устройства и политической силы, которая провозгласила новый конституционный строй. Этот референдум обеспечил легальность процедуры установления новой верховной власти, а также обеспечил формально выраженное одобрение населением государственной власти и согласие с установившимся правопорядком.

Приведенный выше пример справедлив и нагляден для современного состояния общества, где развиты политические, общественные институты и правовая грамотность населения. Для обществ, находящихся на стадии становления государственности, процесс легитимации формирующейся власти имеет свою специфику. Так, например, в таком случае нельзя говорить о легальности процесса, т.к. государственность и законодательная база только формируется, господствуют обычаи и существует неразвитая политическая система, как правило, не отделенная от военно-административной организации общества.

Кроме того, процесс легитимации далеко не всегда первичен по отношению к установлению либо закреплению действующей власти и господствующего порядка и режима. Власть и государственность формируется вне зависимости от ее признания населением или в услови-

ях крайнего противостояния (вооруженный или иной силовой захват власти) с населением.

В этих условиях право выступает как средство последующей легитимации государственной власти, т.е. формирование легитимности власти происходит после ее установления путем формализации особенностей взаимоотношений власти и населения (точнее господствующей части населения).

Действующая власть формирует доверие населения путем установления понятных и устойчивых правил, ограничивает свой собственный произвол и предъявляет конкретные требования к населению, выраженные в правовых нормах.

На первый взгляд, может показаться, что посредством издания права реализуется концепция общественного договора, разрабатываемого в рамках естественно-правовой теории происхождения государства, но это не так. Право, действительно, учитывает интересы как власти, так и населения определенной территории, но государственная власть не является равным населению субъектом права, а договорные отношения предполагают равенство сторон (во всяком случае, в отношениях, составляющих предмет договора). Правоотношения в период ранней государственности между властью и населением существуют в форме властеотношений, т.е. особых социальных отношений, в которых присутствуют субъект власти, наделенный соответствующими безусловными правами, и подвластный субъект, у которого имеются обязанности по отношению к субъекту власти [6, с. 74]. Даже некоторые дозволения власти в отношении населения в каком-либо правовом документе – это не субъективное право как таковое, а уступка верховной власти, не имеющая безусловный характер.

Средство в общефилософском смысле означает способ, инструментарий для достижения какого-либо результата. В нашем случае право выступает и как способ легитимации власти, реализующийся посредством ее формального обозначения в конкретном нормативном акте, и доведения этой информации до неопределенного круга лиц, а также инструментария как определенной юридической техники, позволяющей закрепить наименование государства и обладателя суверенитета, а также установить формализованные правила и требования, предъявляемые властью к подданным.

Для наглядности обозначенной выше гипотезы рассмотрим правовые документы эпохи становления Русского централизованного государства с конца XIV до конца XV в.

Так, Двинская уставная грамота 1397 г., издание которой было связано с необходимостью закрепления суверенитета Московского княжества на Двинской земле, указывала на статус верховного правителя: «Се яз, князь велики Василей Дмитриевичь всея Руси...»¹. То есть посредством уставной грамоты покоренный народ должен был принять статус «великого князя всея Руси» в качестве своего правителя и его наместников как представителей власти и им подчиняться. Далее в грамоте речь идет о преступлениях и наказаниях за их совершение, порядке рассмотрения судебных дел и т.п. Это свидетельствует об установлении новой властью своих порядков для народа, проживающего на завоеванной местности.

Установление господства новой государственной власти в нормативном документе, ее обозначение, а также определение желаемого правопорядка само по себе не означает автоматическую легитимность власти населением, однако уже фактически не оставляет вариантов в подчинении этой власти. Вместе с тем нормативное закрепление прав и

¹Двинская уставная грамота // Российское законодательство X - XX веков в девяти томах. Том 2. М., 1985. С. 181.

механизма их реализации, которые можно рассмотреть как определенного рода уступки государственной власти, создают условия для принятия новой власти и согласия с ней.

Из содержания самого документа следует, что бояре Двинской земли имели привилегированное положение по отношению к более низким слоям населения. Таким образом, закрепляется фактически существовавший общественный строй, однако во главе государства уже был другой правитель. В данном случае право в форме Двинской уставной грамоты создает все предпосылки для легитимации нового политического режима путем признания государственной власти боярами, с которыми великому князю было выгодно мирное сосуществование. Именно их лояльность должна была обеспечить наиболее эффективное господство князя на присоединенной территории.

Белозерская уставная грамота 1488 г. по своей форме очень близка Двинской уставной грамоте 1397 г., однако является более развитым документом. Документ начинается также с указания на статус правителя: «Се яз, князь великий Иван Васильевича всея Руси...»¹, содержание построено по тем же принципам, что и Двинская уставная грамота. Между тем здесь больше прослеживается централизация государственного управления в окрепшем Московском княжестве.

Признаки создания Русского централизованного государства выразились более всего в Судебнике 1497 г., который «уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детьми своими и с бояры о суде»². Общий смысл этой фразы сводится к тому, что этот документ принят Иваном III вместе с Боярской думой, и это не случайно.

Здесь также явно прослеживается роль правового документа в легитимации власти, а именно указание не только на великого князя как источника происхо-

ждения Судебника 1497 г., но и на бояр (Боярскую думу). Необходимо отметить, что, несмотря на наивысшее положение в структуре власти Русского централизованного государства великого князя московского Ивана Васильевича, весомыми были позиции бывших удельных князей присоединенных территорий. Эти князья, присягнувшие Ивану III, по большей части и входили в состав Боярской думы.

Следовательно, указание на то, что Судебник 1497 г. принят при согласии наиболее влиятельных бояр, обеспечивало легитимацию этого правового документа и государственной власти на всей территории единой Руси. Кроме того, показателем лояльности и предпочтения боярскому сословию являются нормы, закрепляющие право перехода крестьян только по правилам Юрьева дня (в течение недели до и недели после него), установление смертной казни за покушение на представителей господствующего класса.

Судебник 1497 г., по сравнению с предыдущим законодательством, охватывал комплекс правовых отраслей и институтов, включал не только уголовные и процессуальные нормы, но и гражданско-правовые, финансовые и другие.

Формализованные нормы, устанавливающие новый государственный режим, должны были не только конституировать государственный порядок, но и создавать предпосылки для принятия этого порядка населением. Следовательно, эти нормы должны не только выражать безальтернативность правомерного поведения, но и быть приемлемыми для подчиненных, понятными для реализации, а также справедливыми. Справедливость можно назвать одной из главных предпосылок легитимации государственного режима, поэтому правовые документы должны исходить из принципа справедливости для общественного класса (классов), на который власть намерена опираться. Что

¹Белозерская уставная грамота // Российское законодательство X - XX веков в девяти томах. Том 2. М., 1985. С. 192.

²Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков в девяти томах. Том 2. М., 1985. С. 54.

касается установления смертной казни как наказания за наиболее тяжкие правонарушения, то это можно также рассматривать как меру установления высшей справедливости.

Также следует отметить, что государственная власть расценивала население Руси, в том числе, как источник пополнения казны, поэтому большое место в этих документах уделяется размеру и порядку взимания различных пошлин и сборов. В то же время государство в лице своих должностных лиц обеспечивало населению возможность реализовать свои права и интересы главным образом в случае причинения вреда им другими людьми. При этом достижение справедливости, возмездия или получения денег осуществлялось силой государственных служащих.

В результате правовой документ, устанавливая возможность участия населения в суде, исполнение решений которого обеспечено силой государства, легитимизирует власть как защитника интересов «обиженных», а также субъекта обеспечения безопасности личности и достижения справедливости.

В качестве важного свойства правовых документов периода создания Русского

централизованного государства, а также более поздних следует отметить отсутствие обязанности верховной власти в лице государя перед остальным населением. Этот факт дополнительно указывает на то, что правовые нормы создавались в соответствии с видением великого князя на происходящие общественно-политические и экономические процессы, а не с участием и в интересах населения.

Цель издания правовых актов с точки зрения обеспечения легитимации власти – создание правопорядка, который народ будет принимать, доверять ему, исполнять и использовать для реализации своих интересов и защиты нарушенных прав.

Таким образом, право является средством легитимации государственной власти, т.е. юридическим инструментарием, с помощью которого обеспечивается формализация власти (ее обозначение), установление определенного порядка на государственной территории, а также создание условий для признания государственной власти, согласие с установившимся режимом, в результате чего в идеале происходит идентификация народа с государством в лице верховной власти.

21

21

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. 544 с.
2. Головченко В.И. Идеологический фактор легитимации политической системы в постсоветской России // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. «Социология. Политология». Вып. 2. С. 100 – 103.
3. Навальный С.В., Безкоровайная Ю.Е. О сущности правовой легализации и социальной легитимации власти // Вестник КрасГАУ. 2010. № 6. С. 175 – 178.
4. Тирских М.Г. Легитимация политических режимов // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 9. Серия «Право». Вып. 10. С. 20 – 26.
5. Царьков И.И. Теологический тип легитимации институтов политического господства // Правоведение. 2010. № 2. С. 167 – 186.
6. Бредихин А.Л. Основания возникновения властеотношений // Экономика. Социология. Право. 2019. № 4. С. 72 – 76.

REFERENCES

1. Bajtin M.I. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). Izd. 2-e, dop. M., 2005. 544 s.
2. Golovchenko V.I. Ideologicheskij faktor legitimacii politicheskoy sistemy v postsovetskoj Rossii //

Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2008. T. 8. Ser. «Sociologiya. Politologiya». Vyp. 2. S. 100 – 103.

3. Naval'nyj S.V., Bezkorovajnyaya YU.E. O sushchnosti pravovoj legalizacii i social'noj legitimacii vlasti // Vestnik KrasGAU. 2010. № 6. S. 175 – 178.

4. Tirskih M.G. Legitimaciya politicheskikh rezhimov // Vestnik YUUrGU. 2007. № 9. Seriya «Pravo». Vyp. 10. S. 20 – 26.

5. Car'kov I.I. Teologicheskij tip legitimacii institutov politicheskogo gospodstva // Pravovedenie. 2010. № 2. S. 167 – 186.

6. Bredihin A.L. Osnovaniya vozniknoveniya vlasteotnoshenij // Ekonomika. Sociologiya. Pravo. 2019. № 4. S. 72 – 76.

Бредихин Алексей Леонидович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России
e-mail: axel_b@mail.ru

Bredikhin Alexey Leonidovich, Candidate in Laws (Research doctorate), Senior Lecturer of History of State and Law, St. Petersburg University of MIA of Russia
e-mail: axel_b@mail.ru

©Бредихин А.Л., 2020

Статья получена: 02.04.2020. Статья принята к публикации: 15.04.2020. Статья опубликована онлайн: 30.04.2020.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

А.Д. Идиятуллов

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОНУЖДЕНИЕМ
К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ, В ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

SUICIDAL INDUCEMENT CRIMES IN HISTORY
OF THE RUSSIAN LEGISLATION

В статье рассматривается развитие российского законодательства об ответственности за самоубийство и преступную причастность к нему. Дается правовой анализ эволюции уголовных норм, предусматривающих наказание за преступное побуждение к суицидальному поведению в разные исторические периоды. Показаны основные изменения в правовой системе России, связанные с поэтапным процессом декриминализации ответственности за суицидальные проявления.

Ключевые слова: суицид, самоубийство, уголовное законодательство, история, криминализация, декриминализация, преступная причастность к самоубийству, понуждение, побуждение, соучастие

Для цитирования: Идиятуллов А.Д. Преступления, связанные с понуждением к суицидальному поведению, в истории российского законодательства // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 1(9). С. 23 – 30.

The article discusses the development of Russian legislation on liability for suicide and criminal involvement in it. The article gives the legal analysis of the evolution of criminal norms punishing for criminal motivation for suicidal behavior in various historical periods; shows the main changes in the legal system of Russia associated with a phased process of decriminalization of responsibility for suicidal manifestations.

Key words: suicide, criminal law, history, criminalization, decriminalization, criminal involvement in suicide, coercion, inducement, complicity

For citation: Idiyatulloev A.D. Suicidal Inducement Crimes in History of the Russian Legislation // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 5. No 1(9). Pp. 23 – 30.

Генезис уголовно-правовых норм в России, предусматривающий ответственность за побуждение к суицидальному поведению, детерминирован поэтапным процессом развития российской правовой системы. Он непосредственно связан с охраной прав и законных интересов человека [1, с. 244], а также сопутствующих общественно значимых социальных явлений [2, с. 557] к конкретному историческому периоду (этапу) [3, с. 44].

В российской уголовно-правовой науке исследованием исторических аспектов преступной причастности к

самоубийству занималась целая плеяда выдающихся ученых, внесших значительный вклад в исследование данной проблемы [4, с. 5]. В дореволюционную эпоху эти вопросы освещались в работах П.Ф. Булацеля, А.В. Кистяковского, Г.Е. Колоколова, А.Ф. Кони, В.Д. Набокова, Н.А. Неклюдова, С.В. Познышева, Н.С. Таганцева, С.Н. Трегубова, И.Я. Фойницкого, И.Н. Шестакова. В советский период данная проблема отражена в работах Р.З. Авакяна, И.А. Алиева, С.В. Бородина, А.А. Пионтковского, М.Д. Шаргородского. В современных ус-

ловиях диссертационные исследования данной проблеме посвятили О.С. Капинус, Э.В. Рыжов, Н.А. Сафонова, Ю.А. Уколова, В.Б. Хатуев, О.Р. Цой, А.А. Цыркалюк, Д.И. Эльмурзаев и др.

До конца X века исторический период характеризуется преобладанием традиций, обычаев, обрядов, устоев в общественной жизни Древнерусского государства, основанного на политеистических культах языческих верований. В настоящее время не сохранились исторические памятники права, которые могли бы раскрыть особенности и содержание ответственности за преступное побуждение к самоубийству в указанную эпоху.

В литературе имеются сведения о религиозно-этнической традиции, принуждающей (побуждающей) древнеславянских женщин совершать ритуальное самоубийство путем саможжения на кремационном костре мужа¹. Самопожертвование в социальных интересах в это время было распространено среди вдов, лиц преклонного возраста, а также рабов, слуг после смерти их хозяина².

В этот период самоубийство еще не рассматривалось как уголовно наказуемое деяние [5, с. 50]. Таким образом, до конца X века в древнеславянском обществе эпизодически встречались человеческие жертвоприношения и самоубийства вдов, стариков, произведенные под психологическим воздействием религиозных чувств и внешним принуждением общины³.

С принятием христианства в Киевском государстве в конце X века и его закреплением в качестве государственной религии происходит заимствование высокой правовой

культуры Византии (наследницы античных государственно-правовых традиций), рецепция ее церковного законодательства [6, с. 73], а также правовых институтов в части криминализации различных форм деяний, связанных с причинением смерти [7, с. 13]. В дальнейшем, вплоть до конца XVII века, регулирование общественно-правовых отношений, связанных с самоубийством, производилось на основе религиозного законодательства Киевской Руси [8, с. 34], носившего ярко выраженный антисуицидальный и репрессивный характер [9, с.12], обусловленный предоставлением духовенству широких административно-судебных полномочий⁴.

Кроме того, такое обстоятельство было вызвано тем, что в условиях несовершенства и зачаточного состояния правовой системы Киевской Руси пробелы правового регулирования общественных отношений преимущественно восполнялись нормами церковного законодательства.

По церковным канонам самоубийство, то есть отрицание и попрание божественного дара жизни, согласно российской правовой традиции, признавалось одним из самых тяжких грехов, направленных против Создателя, христианской веры, общества и государства. Церковное законодательство руководствовалось 14-ым каноническим ответом св. Тимофея Александрийского, в качестве наставления обязательного для исполнения священнослужителям, в котором любое деяние, направленное на самоубийство, квалифицировалось как преступное действие, по своей тяжести приравненное к убийству – «душегубству» [10, с. 170]. В качестве наказания тело самоубийцы не подлежало отпеванию, освящению,

¹Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. I / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Наука. 1989. С. 65.

²Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву: исследование: в 2 т. СПб.: Тип А.М. Котомина, 1871. Т.2. С. 402.

³Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. М., 2003 (репр. изд. СПб., 1914) (Записки Историко-филологического факультета Имп. С.-Петербургского университета. Ч. CXVII). С. 238.

⁴Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций в трех книгах. Книга первая. М.: Мысль, 1993. С.195.

погребению по христианским правилам, что, по мнению церковного законодателя, лишало душу покаяния и надежды на спасение¹. Такое правило не распространялось на лиц, покушавшихся на свою жизнь в состоянии безумия. Следует отметить, что религиозная кара на протяжении многих веков как в России, так и в зарубежных странах, являлась основой в борьбе за жизнь человека и защитным фактором против суицидального поведения.

В письменных памятниках церковного законодательства, регулировавшего семейно-брачные отношения, появляются правовые нормы с ответственностью за доведение до самоубийства, связанные в первую очередь с принудительными браками, в определенных случаях приводящими к самоубийству одного из супругов (ст. 24 Устава князя Ярослава Мудрого)².

25 В связи с законодательными преобразованиями Петра I в начале XVIII века дела о самоубийствах, ранее находившиеся в ведении церкви, переходят под юрисдикцию официальных властей Российской империи [11, с. 36]. Возникает светская уголовная ответственность за самоубийство и покушение на него, предусматривающая смертную казнь (ст. 164 Артикула воинского 1715 г.; ст. 117 Морского устава 1720 г.)³.

Целью таких строгих законодательных предписаний становится предупреждение самоубийств среди государственных служащих, отражавшее непосредственное влияние римско-византийского права на российское законодательство XVIII века.

Законодатель, действуя по аналогии с установлениями римско-византийской правовой системы, предусмотрел такие смягчающие обстоятельства ответственности за попытку самоубийства,

как «беспамятство, мучения или стыд». Самоубийство, совершенное вследствие «беспамятства и болезней», позволяло избежать позорной процедуры и захоронить тело самоубийцы по общим правилам, но вне кладбища. Таким образом, при судопроизводстве по делам о самоубийствах должны были учитываться психическое (душевное) состояние суицидента и его мотивы как серьезные основания, непосредственным образом влияющие на правовые последствия такого деяния, в том числе на наказание.

Свод законов Российской империи 1835 г. заключал в себе нормы об ответственности за самоубийство и попытку его совершения (ст. 347, 348), заимствованные из Артикула воинского 1715 г. Смертная казнь была заменена на каторжные работы, а впоследствии на тюремное заключение сроком от 6 месяцев до 1 года. Церковным властям было позволено единолично принимать решение по поводу погребения лиц, покончивших с собой⁴. Тело самоубийцы больше не признавалось объектом судебного разбирательства, в результате положение о позорящей процедуре его поругания было исключено. Сохранение церковного наказания в виде лишения права на погребение за самоубийство вменяемого лица мотивировалось превентивными мерами.

Вторая половина XIX – начало XX века представляют качественно новый этап развития отечественного законодательства о самоубийстве, существенной особенностью которого явились изменения в уголовной политике Российской империи, обусловленные активной исследовательской и общественно-просветительской деятельностью русских ученых, разработавших тео-

¹ Чебышев-Дмитриев А.П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1862. С. 230.

² Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. / под общ. ред. и с предисл. О.И. Чистякова Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 169.

³ Российское законодательство X – XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9 томах. Т. 4 / отв. ред.: Маньков А.Г.; под общ. ред.: Чистяков О.И. М.: Юрид. лит., 1986. С. 327 – 365.

⁴ Кони А.Ф. Самоубийство в законе и жизни; под ред. А.М. Винавера [и др.]. М.: Право и жизнь, 1923. С. 5.

ретический фундамент, послуживший дальнейшей декриминализации самоубийства и установлению уголовно-правового запрета за деяния, связанные с побуждением к суицидальному поведению.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г.) предложило посягательство на свою жизнь рассматривать как преступное деяние, заменив меры уголовного наказания ответственностью гражданско-правового и религиозного характера (ст. 1472, 1473). Перечень деяний, не влекущих ответственность за суицидальное поведение, был расширен. Наказанию не подвергались лица, лишившие себя жизни по мотивам патриотизма, сохранения чести, достоинства и целомудрия (ст. 1474). При этом криминализации были подвергнуты различные виды противоправной деятельности, направленные на побуждение к самоубийству потерпевшего, такие как склонение к самоубийству; содействие самоубийству иного лица; доведение до самоубийства (ст. 1475, 1476). Законодатель рассматривал склонение к самоубийству и содействие ему как деяния, представляющие наибольшую общественную опасность, приравняв их к пособничеству в убийстве, назначая в качестве наказания каторжные работы на срок от 10 до 15 лет. Доведение до самоубийства относилось к привилегированному составу преступления и предусматривало следующие наказания (лишение определенных прав (преимуществ); непродолжительное тюремное заключение на срок от восьми месяцев до одного года четырех месяцев; церковное покаяние по решению духовенства). Ответственность за доведение до самоубийства распространялась на родителей, опекунов и других лиц¹.

Российское законодательство применительно к самоубийству впервые в истории уделило внимание уголовно-пра-

вовой защите лиц, отнесенных к категории социально-уязвимых граждан (не совершеннолетние, сироты, пожилые, инвалиды). Объективная сторона доведения до самоубийства содержала прямое указание на жестокое обращение с потерпевшим путем злоупотребления властью (родительской, попечительской и т.п.). Начиная с 1845 г., самоубийство в Российской империи фактически было декриминализовано, поскольку законодательство устранило уголовную ответственность за подобные деяния [12, с. 91].

Уголовно-правовые запреты на самоубийство и связанные с ним преступления продолжали действовать после смены общественно-политического строя в России (октябрь 1917 г.). Данное правило прекратило свое действие лишь после принятия 30 ноября 1918 г. Декрета (Положения) о Народном суде РСФСР, отменившего прежнее уголовное законодательство царского периода².

В советский период складывается уголовно-правая доктрина, основанная на индифферентном (безразличном) отношении к самоубийству взрослого вменяемого лица. Следует отметить, что первоначально в условиях гражданской войны и отсутствия судебных институтов (профессионального судебного сообщества) правосудие осуществлялось преимущественно военными трибуналами, руководствовавшимися принципами революционной целесообразности [13, с.11].

До появления первых советских кодифицированных актов в вопросах, связанных с самоубийствами, правоприменитель руководствовался приказом по отделу Центра розыска главного управления рабоче-крестьянской милиции № 4 от 02.07.1920, согласно которому о каждом подобном происшествии предписывалось сообщать в следственно-розыскные органы для последующего разбирательства³.

¹ Российское законодательство X – XX веков: Законодательство первой половины XIX века. В 9 томах. Т. 6 / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юрид. лит., 1988. С. 174.

² Декрет ВЦИК от 30.11.1918 О Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

³ Самоубийство и органы дознания // Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 8. С. 22.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. стал первым советским уголовным законом, многие положения которого были основаны на дореволюционном законодательстве. Статья ст. 148 устанавливала уголовно-правовой запрет на содействие или склонение к самоубийству¹. Субъектом преступления, как правило, становилось лицо, от которого потерпевший находился в зависимом положении в силу родительских, семейных или попечительских отношений. Состав преступления являлся материальным, а наказание устанавливалась в виде лишения свободы на срок до трех лет.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., помимо сохранения полного воспроизведения диспозиции и санкции ст. 148 УК РСФСР 1922 г., в ч. 2 ст. 141 была включена норма об ответственности за доведение до самоубийства (ч.1)².

27

Советская доктрина уголовного права, исходя из характера и степени общественной опасности, относила доведение до самоубийства к категории преступлений средней тяжести, а содействие и склонение к самоубийству – к незначительным преступлениям³.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. стал одним из успешных итогов обновления правовой системы СССР. Законодательной оценке причастности к самоубийству уделялось внимание в ст. 107, определяющей уголовную ответственность за доведение лица до самоубийства или покушения на него⁴. Состав преступле-

ния дополнился новым квалифицирующим признаком (систематическое унижение личного достоинства потерпевшего). Преступление, как и в прежнем уголовном законе, относилось к категории средней тяжести, наказываясь пятью годами лишения свободы. Уголовный закон исключил из перечня наказуемых деяний содействие или склонение к самоубийству [14, с. 51]. На практике нередко встречались случаи самоубийств женщин, явившихся жертвами сексуального насилия (ч. 4 ст. 117 УК РСФСР)⁵.

Законодатель в процессе создания Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г.⁶ учел необходимость развития и укрепления уголовно-правовых методов борьбы с деяниями, сопряженными с самоубийствами [15, с. 34]. Объективная сторона доведения до самоубийства была расширена путем добавления нового способа совершения преступления (высказывания угрозы потерпевшему) [16, с. 161]. Наказание за преступную причастность к самоубийству сохранило свое превентивное значение. К санкциям в виде пяти лет лишения свободы были добавлены альтернативные наказания – ограничение свободы на срок до трех лет (с 1996 г.), принудительные работы на срок до пяти лет (с 2011 г.) [17, с. 295].

Судебная практика, столкнувшись с пробелом в законодательстве, в связи с отсутствием норм, предусматривающих ответственность за умышленное склонение потерпевшего к суициду, в

27

¹О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР»): постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

²О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года: постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

³Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда Союза ССР (1938 и первое полугодие 1939 г.) / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР. 1940. С. 123.

⁴Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁵О судебной практике по делам об изнасиловании: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25.03.1964 № 2 // Документ опубликован не был; О судебной практике по делам об изнасиловании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 № 4 (ред. от 21.12.1993) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7.

⁶Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

определенных случаях пошла по пути применения действующей статьи о доведении до самоубийства. Например, по приговору Тобольского районного суда Тюменской области от 17.07.2017 гражданин Б. был осужден по ч.3 ст. 30, ст.110 УК РФ за умышленное вовлечение двух лиц несовершеннолетнего возраста в деятельность сообщества суицидальной направленности в сети Интернет и последующее склонение их к самоубийству¹.

Высокая степень общественной опасности таких преступлений обусловила корректировку в 2017 г. УК РФ путем криминализации деяний в форме «склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства» (ст. 110¹), «организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» (ст. 110²). Санкции таких преступлений при наличии квалифицирующих признаков влекут лишение свободы до 15 лет.

Норма об ответственности за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) подверглась значительному изменению путем добавления второй части с новыми квалифицирующими признаками в виде совершения преступления в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (п. «а»); в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «б»); в отношении двух или более лиц (п. «в»); группой лиц по предварительному сговору или организо-

ванной группой (п. «г»); в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или сети Интернет (п. «д»)².

Таким образом, негативное отношение российского законодательства к самоубийству в течение длительного периода обуславливалось влиянием церковно-канонического права, основанного на нормах римско-византийской правовой системы. В рамках российской правовой системы отношение к самоубийству исторически развивалось по пути первоначальной криминализации и последующей декриминализации с одновременным установлением уголовно-правового запрета на различные формы преступной причастности к различным суицидальным проявлениям. Развитие российских уголовно-правовых норм об ответственности за понуждение (побуждение) к самоубийству содержит логическую интерпретацию отечественной правовой системы, направленной на защиту жизни человека от различных форм преступного посягательства, обусловленных конкретными социально-историческими условиями. Исходя из характера и степени общественной опасности, российский законодатель в разные исторические периоды в зависимости от различных условий относил деяния в форме доведения до самоубийства, склонения к самоубийству, а также содействия в нем к различным категориям преступлений (от незначительного до особо тяжкого). В связи с этим существенно менялась их правовая оценка и система наказаний.

¹Приговор по делу № 1-51/2017 Архив Тобольского районного суда Тюменской области: Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <http://www.sudrf.ru> (дата обращения: 24.03.2020).

²О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3489; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4797.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шалагин А.Е., Шалагина А.К. Девиантологические характеристики личности несовершеннолетнего правонарушителя // Вопросы педагогики. 2020. № 3-1. С. 243 – 248.
2. Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 556 – 564.
3. Цыркалюк А.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2011. 163 с.
4. Рыжов Э.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2019. 30 с.
5. Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 162 с.
6. Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л.: Лениздат, 1988. 334 с.
7. Глухов В.А. Становление и развитие уголовно-правовых норм Христианства и их рецепция Киевской Русью // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1 (3). С. 11 – 15.
8. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 219 с.
9. Любов Е.Б., Зотов П.Б. К истории отношения общества к суициду // Суицидология. 2017. Т. 8. № 4 (29). С.9-30.
10. Худяков С.С. Доведение до самоубийства – история развития отечественного уголовного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3 (26). С. 169 – 174.
11. Хатуев В.Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: монография. М. Юрлитинформ, 2015. 448 с.
12. Хатуев В.Б. Уголовно-правовое регулирование ответственности за самоубийство в российском уголовном законодательстве: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11 (108). С. 81 – 95.
13. Шкрыль Е.О. Становление и организационно-правовое развитие судебного управления и судебного надзора в РСФСР (1917 – 1940 гг.): историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 29 с.
14. Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юрист, 1999. 356 с.
15. Хатуев В.Б. Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в Российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 27 – 40.
16. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 320 с.
17. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Влияние алкоголизма на суицидальное и преступное поведение // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7 (122). С. 294 – 297.

REFERENCES

1. Shalagin A.E., Shalagina A.K. Deviantologicheskie harakteristiki lichnosti nesovershennoletnego pravonarushitelya // Voprosy pedagogiki. 2020. № 3-1. S. 243 – 248.
2. Shalagin A.E., Hrustaleva O.N. Teorii prestupnogo povedeniya: ot istokov k sovremennosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 4 (34). S. 556 – 564.
3. Cyrkalyuk A.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva: dis. ... kand. yurid. nauk. Tambov, 2011. 163 s.
4. Ryzhov E.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2019. 30 s.
5. El'murzaev D.I. Ugolovnaya otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. 162 s.
6. Kurbatov G.L., Frolov E.D., Froyanov I.Ya. Hristianstvo: Antichnost'. Vizantiya. Drevnyaya Rus'. L.: Lenizdat, 1988. 334 s.

7. Gluhov V.A. Stanovlenie i razvitie ugovolno-pravovyh norm Hristianstva i ih recepciya Kievskoj Rus'yu // Ugovolno-ispolnitel'noe pravo. 2007. № 1 (3). S. 11 – 15.
8. Ukolova Yu.A. Problemy kvalifikacii dovedeniya do samoubijstva kak prestupnogo deyaniya: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008. 219 s.
9. Lyubov E.B., Zotov P.B. K istorii otnosheniya obshchestva k suicidu // Suicidologiya. 2017. T. 8. № 4 (29). S.9-30.
10. Hudyakov S.S. Dovedenie do samoubijstva – istoriya razvitiya otechestvennogo ugovolnogo zakonodatel'stva // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2009. № 3 (26). S. 169 – 174.
11. Hatuev V.B. Ugolovnaya otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva ili do pokusheniya na samoubijstvo: monografiya. M. Yurlitinform, 2015. 448 s.
12. Hatuev V.B. Ugolovno-pravovoe regulirovanie otvetstvennosti za samoubijstvo v rossijskom ugovolnom zakonodatel'stve: proshloe i nastoyashchee // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 11 (108). S. 81 – 95.
13. Shkryl' E.O. Stanovlenie i organizacionno-pravovoe razvitie sudebnogo upravleniya i sudebnogo nadzora v RSFSR (1917 – 1940 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2005. 29 s.
14. Borodin S.V. Prestupleniya protiv zhizni. M.: Yurist, 1999. 356 s.
15. Hatuev V.B. Dovedenie do samoubijstva ili do pokusheniya na samoubijstvo: stanovlenie, sostoyanie i problemy ugovolno-pravovoj reglamentacii v Rossijskom ugovolnom zakonodatel'stve // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 9 (106). S. 27 – 40.
16. Korobeev A.I. Prestupnye posyagatel'stva na zhizn' i zdorov'e cheloveka: monografiya. M.: Yurlitinform, 2012. 320 s.
17. Shalagin A.E., Idiyatullova A.D. Vliyanie alkogolizma na suicidal'noe i prestupnoe povedenie // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2018. № 7 (122). S. 294 – 297.

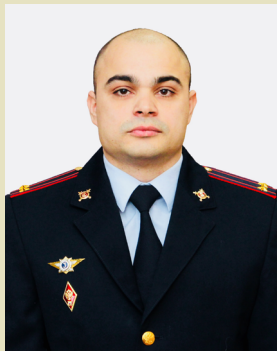
Идиятуллов Алмаз Дамирович, адъюнкт Казанского юридического института МВД России
e-mail: almaz.idiyatullova.52@bk.ru

Idiyatullova Almaz Damirovich, Postgraduate, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: almaz.idiyatullova.52@bk.ru

©Идиятуллов А.Д., 2020

Статья получена: 26.03.2020. Статья принята к публикации: 15.04.2020. Статья опубликована онлайн: 30.04.2020.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

А.М. Каримов

ЗАГЛАЖИВАНИЕ ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ
СОЦИАЛЬНОГО ВРЕДА

REPARATION FOR SOCIAL HARM CAUSED BY CRIME

Встатье рассмотрены вопросы, связанные с нормативно-правовым регулированием заглаживания вреда, причиненного преступлением. Автором проведен анализ норм законодательства, постановления Пленума Верховного Суда РФ, следственно-судебной практики, юридической литературы. На основании проведенного исследования сделан вывод, что законодателем и Верховным Судом РФ не решен вопрос о том, что понимать под мерами, направленными на восстановление нарушенных интересов общества и государства, которые признаются разновидностью заглаживания преступного вреда иным образом.

Ключевые слова: вред, ущерб, потерпевший, заглаживание вреда, социальный вред

Для цитирования: Каримов А.М. Заглаживание причиненного преступлением социального вреда // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 1(9). С. 31 – 35.

31

31

The article considers issues related to the legal regulation Reparation for Social Harm Caused by crime. The author has analyzed the norms of legislation, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, investigative and judicial practice, and legal literature. The study showed that the legislator and the Supreme Court of the Russian Federation have not resolved the question of what is meant by measures aimed at restoring the violated interests of society and the state, which are recognized as a form of Reparation for Social Harm Caused by Crime in another way.

Key words: harm, damage, victim, smoothing out harm, social harm

For citation: Karimov A.M. Reparation for Social Harm Caused by Crime // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 5. No 1(9). Pp. 31 – 35.

По данным МВД России, только за 11 месяцев 2018 г. в России было совершено более 1 841 тыс. преступлений, ущерб от которых составил 491,8 млрд рублей¹. Судебный департамент Верховного Суда РФ приводит данные о том, что в 2018 году по преступлениям сумма ущерба составила более 32 010 559 193 32 млрд рублей. Из них признано погашенными до вынесения судебного акта (в рам-

ках добровольного возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного преступлением иным образом) 7,3 млрд рублей (22%)². Согласно данным Федеральной службы судебных приставов РФ, за 12 месяцев 2017 г. сотрудниками службы было взыскано в счет возмещения ущерба, причиненного преступлением, 192,6 млн рублей и 105 млн рублей на компенсацию морального вреда³.

¹Состояние преступности в России за январь - ноябрь 2018 года // Официальный сайт МВД России. URL: <http://xn--blaew.xn--blaew.xn--plai/folder/101762/item/15304733/> (дата обращения: 12.04.2019).

² Отчет судов общей юрисдикции о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об оплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз за 12 месяцев 2018 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 01.05.2019).

³ Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей ФССП России // Официальный сайт федеральной службы судебных приставов. URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 01.10.2019).

Известный криминолог Д.В. Ривман по этому поводу заметил, что «возмещение ущерба от преступлений — проблема мировая» [1, с. 286].

Согласно ст. 1064 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) вред — умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, т.е. любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благе, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным)¹. Таким образом, вред может быть причинен физическому лицу (имущественный, физический и моральный вред) и юридическому лицу (имущественный и репутационный вред).

Согласно статье 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) физическое или юридическое лицо вправе предъявить в рамках уголовного дела требование о возмещении имущественного вреда при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Такое лицо может предъявить гражданский иск в уголовном процессе и для имущественной компенсации морального вреда².

В отечественной юридической теории и практике обязательства принято делить по основаниям их возникновения на договорные и внедоговорные. К числу последних относятся обязательства о возмещении ущерба и обязательства из неосновательного обогащения и сбережения, которые еще принято называть соответственно деликтными и кондикционными. Договорные обязательства возникают преимущественно из договоров, т.е. по соглашению сторон, при этом сами стороны устанавливают права и обязан-

ности. За нарушение договорных условий ответственность наступает по нормам о нарушенном договоре.

Внедоговорные обязательства возникают по основаниям, предусмотренным законом. В основе возникновения деликтного обязательства лежит правонарушение. Согласно статье 8 ГК РФ сам факт причинения вреда является основанием для возникновения у причинителя обязательства по возмещению вреда потерпевшему. Потерпевший в силу возникшего обязательства приобретает право на защиту своих нарушенных прав, на предъявление иска о возмещении ущерба, деликтного иска³.

Однако необходимо понимать, что гражданский иск в уголовном процессе не единственный способ нормализации нарушенного преступлением блага. Применительно к моральным или физическим последствиям преступного деяния в законе (статья 76 Уголовного кодекса РФ (УК РФ)) употребляется термин «затягивание причиненного преступлением вреда», под которым, согласно пунктам 2.1. и 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19, понимается в том числе «принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства»⁴. Данное положение указывает на то, что Пленум Верховного Суда РФ выделяет в структуре преступных последствий вред, причиненный потерпевшему (физическому или юридическому лицу), и вред, который преступлением причинен интересам общества и государства.

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. 29 января. № 5. Ст. 410.

²Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. 24 декабря. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. 5 декабря. № 32. Ст. 3301.

⁴О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

В юридической литературе также принято выделять фактические последствия совершенного деяния (реальный вред причиненный потерпевшему) и социальные последствия (нарушение виновным лицом уголовно-правового запрета), которые иногда именуются политическими последствиями [2, 3, 4]. По мнению тех же исследователей, поскольку данные последствия возникают в сфере отношений между государством и гражданами, постольку нарушение законов означает нанесение государству политического вреда.

В правоприменительной практике иногда возникают вопросы, связанные с пониманием того, что именно можно рассматривать в качестве иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов общества и государства. Так, например, судебная коллегия по уголовным делам Иркутского областного суда рассмотрела кассационное представление помощника прокурора, который просил отменить постановление суда о прекращении уголовного дела по обвинению П. в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 318 УК РФ в связи с примирением с потерпевшим, указывая, что «вред, причиненный государству, заглажен быть не может и примирение с государством невозможно». В своем решении от 19.01.2009 указала: «Примирение с потерпевшим (сотрудником ОВД), возмещение ему причиненного ущерба, заглаживание вреда не устраняет вред, причиненный государству, и действия подсудимого не утратили своей общественной опасности»¹. Необоснованное отрицание помощником прокурора воз-

можности загладить вред перед обществом и государством, на наш взгляд, идет вразрез с существующей в юридической литературе теорией о двойственном характере преступных последствий и разъяснением Пленума Верховного Суда РФ в части того, что вред причиняется не только физическому или юридическому лицу, но и обществу и государству.

В другом решении (апелляционном определении) судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда Ростовской области указала: «Д. осужден за совершение преступления против военной службы, объектом которого, помимо личности военнослужащего, также является и установленный порядок прохождения военной службы. Таким образом, вред, причиненный государству как доминирующему объекту посягательства, не может быть заглажен путем одного лишь примирения потерпевшего с осужденным»².

Таким образом, в следственно-судебной практике признается факт причинения преступлением вреда государству. Однако не всегда прослеживается четкая позиция по вопросу того, как именно его можно загладить. При этом полагаем, что существуют вполне взвешенные и обоснованные решения:

1) Тюменский областной суд прекратил уголовное дело в отношении С. на основании ст. 25.1 УПК РФ с назначением судебного штрафа в размере 25 тыс. руб., поскольку С. в целях заглаживания преступного вреда осуществил безвозмездное пожертвование имущества в пользу МКУ «Боровский детский дом» на сумму 20 960 руб.³;

2) Ленинский районный суд г. Тюмени прекратил уголовное дело в отношении

¹ О результатах изучения судебной практики применения судами Иркутской области норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве [электронный ресурс]: Справка Иркутского областного суда за 2016 год. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс» (дата обновления: 12.02.2019).

² Апелляционное постановление СК по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда Ростовской области от 19.02.2015 по делу № 22-84/2015. Документ опубликован не был. СПС «Гарант» (настольная версия) (дата обновления: 25.12.2019).

³ Архив Уватского районного суда Тюменской области за 2017 г.: уголовное дело № 22-1548/2017. Документ опубликован не был. СПС «Гарант» (настольная версия) (дата обновления: 29.11.2019).

Ф., обвиняемого по ч. 1 ст. 228 УК РФ, признав в качестве заглаживания вреда в том числе добровольное перечисление им денежных средств в реабилитационный центр помощи наркозависимым «Поколение» [Цит. по: 5].

Представляется, что если вред причиняется преступлением и потерпевшему, и государству, то заглаживания требует и фактический, и социальный вред. Законодательство, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не содержат положений, конкретизирующих, что понимать под иными мерами, направленными на восстановление нарушенных интересов государства и общества, что не позволяет виновному выбрать наиболее оптимальный и посильный способ заглаживания преступного вреда. Правоприменительная практика признания в качестве таковых мер благотворительности оценивается нами взвешенной и всецело положительной. Если потерпевшего в деле нет, виновное лицо вправе загладить причиненный вред перед обществом и государством, и благотворительность, на наш взгляд, наиболее рациональный способ выражения таких действий.

Отсутствие разъяснений относительно иных мер, направленных на восстанов-

ление нарушенных интересов государства и общества, на наш взгляд, является существенной проблемой в вопросе уголовно-правового регулирования добровольного возмещения ущерба и иного заглаживания преступного вреда, не позволяющей адресату поощрения понять, в чем такие меры могут выражаться. В связи с изложенным считаем необходимым дополнить текст пункта 2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» разъяснением, что в качестве мер, направленных на восстановление нарушенных законных интересов общества и государства, допустимо признание благотворительности, участие в волонтерских движениях или социальных проектах, осуществляющих содействие нуждающимся гражданам, не являющимся потерпевшими по уголовному делу, защите экологии и др. Также считаем недопустимым считать такими мерами признание вины и сотрудничество с органами предварительного расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
2. Ковалев М.И. Общественно опасные последствия преступления и диспозиция уголовного закона // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 14-22.
3. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. 542 с.
4. Винокуров В.Н. Объект преступления: история развития и проблемы понимания. Красноярск, 2009. 139 с.
5. Багаутдинов Ф.Н. Некоторые вопросы заглаживания причиненного преступлением вреда как одного из условий для назначения судебного штрафа // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 6-12.

REFERENCES

1. Rivman D.V. Kriminal'naya viktimologiya. SPb.: Piter, 2002. 304 s.
2. Kovalev M.I. Obshchestvenno opasnye posledstviya prestupleniya i dispoziciya ugovnogo zakona // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1990. № 10. S. 14-22.
3. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik / pod red. V N. Petrasheva. M., 1999. 542 s.
4. Vinokurov V.N. Ob'ekt prestupleniya: istoriya razvitiya i problemy ponimaniya. Krasnoyarsk, 2009. 139 s.
5. Bagautdinov F.N. Nekotorye voprosy zaglazhivaniya prichinennogo prestupleniem vreda kak odnogo iz uslovij dlya naznacheniya sudebnogo shtrafa // Rossijskaya yusticiya. 2019. № 6. S. 6-12.

Каримов Адель Миннурович, старший преподаватель кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России
e-mail: karimov485@mail.ru

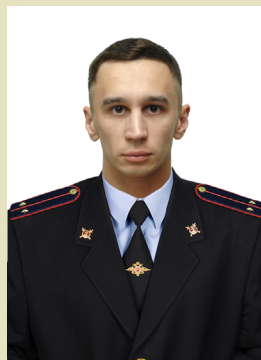
Karimov Adel Minnurovich, Senior Lecturer of Economics, Financial Law and IT in Internal Bodies Activity, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: karimov485@mail.ru

©Каримов А.М., 2020

Статья получена: 28.01.2020. Статья принята к публикации: 15.04.2020. Статья опубликована онлайн: 30.04.2020.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Б.Э. Шавалеев

ОСОБЕННОСТИ МОШЕННИЧЕСТВА
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ
ПЛАТЕЖА В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ

ELECTRONIC DEVICES OF PAYMENT FRAUD IN CRIME
OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье анализируются современные тенденции, обуславливающие увеличение числа мошеннических действий, сопряженных с использованием электронных средств платежа, в структуре преступности в Российской Федерации, а также особенности механизма совершения подобных преступлений. Сформулированы выводы о необходимости качественного совершенствования системы предупреждения мошенничеств с использованием электронных средств платежа.

Ключевые слова: предупреждение, электронные средства платежа, мошенничество

Для цитирования: Шавалеев Б.Э. Особенности мошенничества с использованием электронных средств платежа в структуре современной российской преступности // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 1(9). С. 36 – 39.

The author analyzes the current tendencies underlying the growth of fraud using electronic devices of payment fraud in crime of the Russian Federation, and the features of the mechanism of the crimes; concludes about the necessity of qualitative improvement of the system of electronic devices crime prevention.

Keywords: harm, damage, victim, smoothing out harm, social harm

For citation: Shvaleyev B.E. Electronic Devices of Payment Fraud in Crime of the Russian Federation // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 5. No 1(9). Pp. 36 – 39.

Модернизация инструментов осуществления финансово-экономических отношений значительно расширила возможности по применению электронных средств платежа в системе безналичных расчетов на территории Российской Федерации. По состоянию на 01.01.2019 в Российской Федерации зарегистрировано более 272 млн платежных карт¹. Однако упрощение доступа граждан к электронным средствам платежа негативно сказалось на преступлениях с использованием указанной технологии.

Увеличение числа преступлений, сопряженных с использованием электронных средств платежа, побудило законодателя к комплексному совершенствованию мер уголовно-правовой характера в целях противодействия противоправной деятельности данной направленности, в результате чего Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² в Уголовный кодекс Российской Федерации³ (далее – УК РФ) внесены измене-

¹Сведения взяты из отчетов, основанных на данных автоматизированной информационно-справочной системы Центрального Банка Российской Федерации.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ (ред. 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ 2012. № 49. Ст. 6752.

³Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 (ред. от 18.02.2020) // Российская газета. 1996. № 113.

ния, направленные на дифференциацию ответственности за различные виды мошенничества, в том числе совершенные в сфере экономической деятельности.

Была введена ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием платежных карт», которая Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ»¹ была отредактирована и получила наименование «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». Так, по данным ГИАЦ МВД России, с января по сентябрь 2019 г. зарегистрировано 1521,7 тыс. преступлений, что на 2,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года². Более половины всех зарегистрированных преступлений (52,5%) составляют хищения чужого имущества.

После введения нового «специального» состава мошенничества правоприменители столкнулись с проблемами при необходимости его разграничения со смежными составами преступлений, поскольку отсутствовали рекомендации по квалификации противоправных деяний, предусмотренных ст. 159.1 – 159.6 УК РФ. (В настоящее время преступления данной категории показывают стабильную положительную динамику на всей территории Российской Федерации).

За 2019 г. количество зарегистрированных дел о мошенничестве с использованием электронных средств платежа возросло до 16 119, что составляет увеличение на 280% по сравнению с предыдущим годом³.

Согласно результатам опроса Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, около 18% россиян считают, что стали потерпевшими от противоправной

деятельности различного характера. При этом только 48% из них сообщали о произошедшем в правоохранительные органы⁴. Учитывая высокую степень латентности рассматриваемой группы преступлений, следует сделать вывод, что реальное число пострадавших от противоправной деятельности, в частности мошенничеств с использованием электронных средств платежа, значительно больше. По оценкам специалистов, правоохранительным органам известно лишь о 10–15% случаев от реального числа мошенничеств с использованием банковских платежных карт [1].

По данным Банка России, объем несанкционированных операций с платежными картами в России в 2018 году вырос на 44% и составил 1,385 млрд руб.⁵

Следует отметить, что раннее противоправная деятельность была направлена на хищение денежных средств у юридических лиц, преимущественно у кредитных организаций, однако актуальные тенденции свидетельствуют, что значительную часть потерпевших составляют рядовые граждане. Причиной тому является совершенствование систем обеспечения безопасности финансовых операций между юридическими лицами, тогда как мониторинг операций физических лиц осуществляется владельцами счетов самостоятельно.

Анализ оперативной обстановки в части зарегистрированных мошенничеств с использованием электронных средств платежа свидетельствует, что большая часть хищений со счетов физических лиц совершается с помощью получения мошенниками несанкционированного прямого доступа к электронным средствам платежа либо побуждением владельцев

¹О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ // СЗ РФ 2018. № 18. Ст. 2581.

²Сведения взяты из отчетов, основанных на данных автоматизированного информационно-справочного программного комплекса МВД России.

³Там же.

⁴ Почти каждый пятый россиянин назвал себя жертвой преступления. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/10/2018/5bd875769a7947b88bfdbd78> (дата обращения: 22.03.2020).

⁵ В России в восемь раз выросло число дел о мошенничестве с электронными платежами. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4066479> (дата обращения: 22.03.2020).

банковских счетов самостоятельно совершить перевод в пользу мошенников путем обмана или злоупотребления доверием. Как правило, злоумышленники пользуются методами социальной инженерии.

Социальная инженерия – это метод получения несанкционированного доступа к информации или системам хранения информации без использования технических средств¹.

Согласно отчету подразделения по информационной безопасности Центрального Банка России, в 97% случаев хищения денежных средств физических лиц с использованием электронных средств платежа обусловлены применяемыми мошенниками методами социальной инженерии². То есть чаще всего граждане становятся пострадавшими от противоправной деятельности из-за собственной доверчивости и неосмотрительности. Ранее заместитель председателя правления Сбербанка Станислав Кузнецов отмечал, что количество случаев мошенничества с использованием методов социальной инженерии продолжает расти темпами примерно 2–3% в месяц и в настоящее время отсутствуют факторы, которые могли бы остановить этот рост³. Например, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека разработала материалы для граждан «Как не стать жертвой мошенников, покупая товары в интернете»⁴, однако в данных рекомендациях отсутствуют признаки применения технологий социальной инженерии.

Анализ следственной и судебной практики свидетельствует, что мошенни-

чество с использованием электронных средств платежа нередко сопряжено с изготовлением и использованием поддельных банковских карт⁵. Учитывая особенности квалификации, следует отметить следующее: если лицо изготовило, а затем использовало при совершении мошенничества поддельную кредитную либо расчетную карту, то содеянное квалифицируется по совокупности ст. 159.3 и 187 УК, поскольку предметом преступления являются платежные карты, электронные средства, электронные носители информации, технические устройства, компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств⁶.

При этом до настоящего времени отсутствует какое-либо разъяснение по вопросу о том, какими критериями следует руководствоваться судам для отнесения карты к категории поддельной. В научных кругах популярна точка зрения, согласно которой изготовление поддельных кредитных либо расчетных карт состоит во внесении ложных данных в подлинные карты или в изготовлении полностью поддельных карт [2]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что характер, способ, качество или количество поддельных платежных карт влияния на квалификацию не оказывает.

Также из анализа судебной практики следует, что мошенничество с использованием электронных средств платежа сопряжено с предъявлением чужого документа, удостоверяющего личность. В данном случае если документ был предварительно похищен,

¹Social engineering explained: How criminals exploit human behavior. URL: <https://www.csoononline.com/article/2124681/what-is-social-engineering.html> (дата обращения: 22.03.2020).

²Сбербанк заговаривает мошенников. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3961809> (дата обращения: 22.03.2020).

³Там же.

⁴ Как не стать жертвой мошенников, покупая товары в Интернете. URL: https://rospotrebnadzor.ru/region/rss/rss.php?ELEMENT_ID=8167 (дата обращения: 22.03.2020).

⁵ Энциклопедия судебной практики. Мошенничество с использованием электронных средств платежа. URL: <http://internet.garant.ru/#/document/57593347/paragraph/12:6> (дата обращения: 22.03.2020).

⁶О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Российская газета. 2017. № 280.

деяния дополнительно квалифицируются по ч.1 ст. 325 УК РФ, когда похищен официальный документ, либо по ч.2 ст. 325 в случае кражи паспорта или другого важного личного документа.

В настоящее время существует ряд проблем, связанных с разграничением мошенничества с использованием электронных средств платежа и смежных составов, например, с п. «в» ч.2 ст. 158, ст. 159.1, а также 159.6 УК РФ, что негативно сказывается на предупреждении, раскрытии и расследовании данной категории преступлений.

Таким образом, по результатам анализа следственно-судебной практики, оперативной обстановки и состояния преступности в Российской Федерации следует сделать вывод об очевидной высокой общественной опасности мошенничества с использованием электронных средств платежа. На наш взгляд,

отсутствие факторов, которые смогли бы снизить темпы роста анализируемых преступлений, тенденция, связанная с упрощением доступа к электронным средствам платежа, и т.д. негативно скажутся на состоянии преступности в Российской Федерации, в частности, на мошенничествах с использованием электронных средств платежа. Учитывая, что данные преступления сопряжены с совершением дополнительных противоправных деяний, предполагающих необходимость владения специальными навыками, считаем, что разрешение указанной проблемы требует переосмысления системы мер предупреждения мошенничеств в сфере использования электронных средств платежа, а также формулирования научно обоснованных рекомендаций по оптимизации следственно-судебной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черных В.В. Проблемы расследования мошенничества, совершенного с использованием банковских карт, и пути их решения // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2018. № 1 (27). С. 123 – 126.
2. Мусьял И.А. Мошенничество с использованием платежных карт // ППД. 2017. № 1. С. 147 – 152.

REFERENCES

1. CHernyh V.V. Problemy rassledovaniya moshennichestva, sovershennogo s ispol'zovaniem bankovskih kart, i puti ih resheniya // Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki. 2018. № 1 (27). S. 123 – 126.
2. Mus'yal I.A. Moshennichestvo s ispol'zovaniem platezhnyh kart // PPD. 2017. № 1. S. 147 – 152.

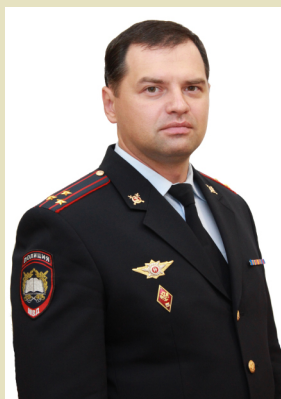
Шавалеев Булат Эдуардович, оперуполномоченный отделения по обслуживанию территории отдела уголовного розыска отдела полиции № 11 «Восход» УМВД России по г. Казани
email: shavaleev.bulat@gmail.com

Shavaleyev Bulat Eduardovich, Detective Officer of the Criminal Investigation Department, the Voskhod Police Department No. 11 of Regional Office of MIA of Russia in Kazan
email: shavaleev.bulat@gmail.com

©Шавалеев Б.Э., 2020

Статья получена: 27.11.2019. Статья принята к публикации: 15.04.2020. Статья опубликована онлайн: 30.04.2020.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

А.Е. Шалагин

М.Ю. Гребенкин

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ

ANTI-CORRUPTION BEHAVIOR ENHANCING AND ANTI-CORRUPTION COUNTERMEASURES

В статье рассматриваются исторические этапы противодействия коррупционным преступлениям. Определены причины и условия данного социально-негативного явления. Анализируются нормативные правовые акты в сфере предупреждения и минимизации коррупции. Особое внимание обращено на меры профилактики и формирование антикоррупционного стандарта поведения сотрудника органов внутренних дел.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, взятка, предупреждение, профилактика, противодействие, антикоррупционный стандарт

Для цитирования: Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Формирование антикоррупционного поведения и противодействие коррупции // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 1(9). С. 40 – 47.

The article discusses the historical stages of countering corruption crimes. The causes and conditions of this socio-negative phenomenon are determined. Regulatory legal acts in preventing and minimizing corruption are analyzed. Special attention is paid to prevention measures and the formation of an anti-corruption standard of behavior for an employee of internal affairs bodies.

Keywords: corruption, corruption crimes, bribery, prevention, prevention, counteraction, anti-corruption standard

For citation: Shalagin A.E., Grebenkin M.Y. Anti-Corruption Behavior Enhancing and Anti-Corruption Countermeasures // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 5. No 1(9). P. 40 – 47.

Коррупция как социально-негативное (общественно опасное) явление человечеству известно с древних времен. Наиболее отчетливо она проявила себя с возникновением государства и права. Порицание коррупционных действий содержится еще в Библии и Коране.

Одно из первых письменных упоминаний о коррупции содержится в архивах Древне-

го Вавилона (XXIV в. до н.э.). В Римской империи был разработан механизм предупреждения и снижения уровня взяточничества, введен термин «коррупция» применительно к лицу, наделенному властными полномочиями и совершающему противоправные действия с целью личной выгоды.

Аристотель (384 до н.э. – 322 до н.э.) определял коррупцию как доминирую-

щий фактор, способный привести государство к вырождению и гибели. Никколо Макиавелли (1469 – 1527) рассматривал коррупцию как синдром серьезного заболевания государства, разрушающего гражданскую добродетель, этические нормы и нравственность. В своих литературных произведениях ее осуждали Данте А. (1265 – 1321), Шекспир У. (1564 – 1616), Чосер Д. (1343 – 1400) и др.

«Мздоимство» и «лихоимство» упоминается в русских летописях XIII в. Одно из первых нормативных ограничений принадлежит Ивану II (1326 – 1359), а Иван IV (1530 – 1584) ввел смертную казнь за чрезмерность во взятках. Упоминания об ответственности за взяточничество можно обнаружить в Судебниках 1497 и 1550 годов.

К сожалению, в российском государстве практика «кормления» (принятие подарков, подношений, содержания) существовала достаточно долго. Она стала своего рода обычаем (традицией) и никто против этого сильно не возражал. В Соборном Уложении 1649 г. закрепляется ответственность за «посулы», т.е. различного рода подношения, связанные с желаемым разрешением дела в свою пользу.

Петр I (1672 – 1725) в 1714 г. издал Указ «О воспрещении взяток и посулов». Екатериной II (1729 – 1796) было утверждено жалование для всех категорий государственных служащих, получаемые ими иные доходы стали приравняться к взяткам. В дальнейшем особое внимание стало обращаться на причины и условия этого противоправного явления.

Уложением о наказаниях уголовных и исправительных вводилась усиленная ответственность за взяточничество и казнокрадство. В главе «О мздоимстве и лихоимстве» появляются тринадцать норм, направленных на изобличение должностных преступников [1, с. 10 – 35].

Один из первых декретов Советской власти от 10 ноября 1917 г. упразднил

сословия, гражданские чины, звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина), а также графские и княжеские титулы и проч. В этом году была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с саботажем и должностными преступлениями (ВЧК). Отдельные аспекты противодействия коррупции были закреплены в Декрете СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве». Виновными лицами считались взяточдатель, пособники, подстрекатели, взяткополучатели [2, с. 64]. Постепенно меры, направленные на профилактику и пресечение коррупционных действий, стали носить системный, комплексный и достаточно жесткий характер.

О новом всплеске коррупции заговорили после смерти И.В. Сталина (1878-1953). Во время правления Н.С. Хрущева (1894-1971) принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество». Взяточничество признавалось как одно из самых позорных и отрицательных явлений, чуждое и совершенно непереносимое для государства, вступившего в период развитого строительства коммунизма. Выражалась уверенность в возможности постепенного искоренения всех его форм [3, с. 125].

В 60-70 годы XX столетия к ответственности привлекаются крупные номенклатурные функционеры, чиновники, фарцовщики, спекулянты, валютчики. Был нанесен ощутимый удар по «торговой мафии». В последующем Ю.В. Андропов (1914-1984) провел ощутимые чистки в партийных рядах. Горбачевская перестройка принесла стране гласность, но вместе с этим увеличились политические интриги и должностные злоупотребления. Газеты и журналы стали публиковать сенсационные сообщения о воровстве и взятках в государственном аппарате [4, с. 306].

Высокая инфляция, социальная и политическая нестабильность, снижение

доходов населения, недостаточный уровень правовой культуры, многочисленные нарушения в предпринимательской деятельности, недобросовестная конкуренция, взаимосвязь представителей бизнеса с членами организованных преступных формирований в конце 80-х и в 90-е годы прошлого века дали всплеск коррупции и переходу ее на новый (более качественный) уровень. Долгий период замалчивания данной проблемы не дал возможности своевременно разработать комплекс мер по предупреждению и минимизации этого негативного, противоправного, общественно опасного явления. Только в начале XXI столетия принимается ряд нормативных актов, давших начало целенаправленной, системной, комплексной борьбе с этим социальным злом.

Коррупция является серьезным фактором, который оказывает негативное воздействие на экономическую, политическую, культурную, нравственную сферы нашего общества. *В Российской Федерации с 2016 по 2019 годы было зарегистрировано около 30 тысяч преступлений коррупционной направленности, суды рассмотрели около 12 тысяч уголовных дел и назначали уголовные наказания 13 тысячам граждан, совершившим такие преступления*¹.

В общем объеме преступности в России доля коррупционных преступлений составляет 1,4%. При этом материальный ущерб от таких преступлений составляет 15% от всего ущерба причиненного преступностью. Существенной проблемой является возмещение ущерба от преступлений коррупционной направленности, на что нацелена прак-

тика применения антикоррупционного законодательства, согласно которому имущество государственного служащего, а также членов его семьи, законность происхождения которого не подтверждена, может быть принудительно изъято в доход государства². Один из примеров – обращение по иску прокуратуры в доход государства денег и имущества осужденного за взятки бывшего полковника Д. Захарченко и его родственников (8,5 млрд руб., 13 элитных квартир, 14 машино-мест, 4 автомобилей представительского класса, золотой слиток)³.

Коррупция существовала и при командно-административной системе, существует и при свободно-рыночных отношениях, при тоталитаризме, авторитаризме, демократии.

В 2003 г. была открыта для подписания Конвенция ООН против коррупции (UNCAC), которую ратифицировала и Российская Федерация. Большое значение для организации противодействия коррупции в правоохранительных органах имело принятие ряда федеральных законов⁴.

Обзор правоприменительной деятельности в сфере профилактики коррупции позволяет выделить основные направления, которые имеют перспективы дальнейшего развития [5, с. 38]:

- измерение масштабов коррупции (минимизация);
- антикоррупционное информирование и просвещение;
- антикоррупционная пропаганда;
- антикоррупционное прогнозирование и планирование;
- совершенствование антикоррупционного законодательства (своевременное внесение изменений и дополнений);

¹Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. // Основные статистические данные ГИАЦ МВД РФ. 2019. 63 с.; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. // Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры. 2019. 49 с.

²О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности и иных лиц, их доходам: Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 50. (Ч. IV). Ст. 6953.

³Полковник МВД Захарченко получил 13 лет колонии. URL: <https://www.interfax.ru/russia/664661> (дата обращения: 19 июня 2019 г.).

⁴О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- разработка и реализация государственных и муниципальных антикоррупционных программ;
- поощрение и стимулирование антикоррупционной деятельности [6, 412];
- экспертиза проектов нормативных правовых актов и иных документов государственных органов, управленческих решений в целях выявления и устранения в них коррупциогенных факторов;
- совершенствование кадровой работы: ознакомление государственных служащих с требованиями к служебному поведению (этикету); разъяснение положений нормативных актов, направленных на противодействие коррупции; деятельность Комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов; мониторинг исполнения должностных обязанностей государственными и муниципальными служащими, подверженными риску коррупционных проявлений и их устранение;
- повышение престижа государственной службы, ротация кадров;
- введение антикоррупционных ограничений, обязательств и запретов для различных категорий государственных служащих;
- совершенствование процедуры ведения общегосударственного реестра лиц, уволенных за коррупционные правонарушения в связи с утратой доверия;
- совершенствование системы имущественного декларирования;
- укрепление судебной власти, прокурорского надзора, упорядочение структуры и функций органов исполнительной власти;
- определение и внедрение антикоррупционных стандартов;
- проведение антикоррупционного аудита;
- выявление коррупционных рисков в сфере государственных заказов;
- упрощение бюрократических процедур, повышение качества государственных услуг, в том числе в электронной форме;

- взаимодействие власти со структурами гражданского общества, общественными объединениями, гражданами в вопросах предупреждения и противодействия коррупции [7, с 39].

Коррупция в правоохранительных органах может рассматриваться как подкуп (получение, обещание, предложение, дача или вымогательство взятки); любое другое противоправное использование своего служебного статуса (в целях незаконного получения имущества, прав на него, услуг или льгот имущественного характера); незаконное предоставление преимуществ другим лицам вне зависимости от того, совершены ли данные деяния лично или через посредников, вопреки законным интересам общества и государства.

Коррупционную преступность с участием сотрудников правоохранительных органов характеризуют:

1. повышенная общественная опасность;
2. причинение ущерба авторитету государства (должностным лицам);
3. специальный субъект совершения коррупционных преступлений;
4. использование служебного положения вопреки интересам службы в правоохранительных органах;
5. высокий уровень латентности таких преступлений;
6. наличие умысла на совершение противоправных деяний;
7. корыстная мотивация преступлений.

Необходимо отметить, что личность преступника (коррупционера) не возникает внезапно, не появляется неожиданно (одновременно с совершением преступления). Она формируется постепенно, а преступление является закономерным следствием определенного поведения. В тех случаях, когда на индивида оказывают влияние преимущественно негативные факторы (индивидуального или группового, внешнего или внутреннего характера), нередко фор-

мируется личность правонарушителя и совершаются противоправные (коррупционные) поступки [8, с. 157]. Особенно это становится заметным в группе, где взятка считается нормой, должностные лица не осуждают такие факты, а наоборот, поддерживают, одобряют, подражают и покрывают друг друга.

Перечень мер по предупреждению коррупции содержится в ст. 6 ФЗ № 273 от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции», специальные мероприятия профилактической направленности закреплены в Национальной стратегии и предусматриваются национальными планами противодействия коррупции¹. Кроме того, разрабатываются ведомственные правовые акты по профилактике коррупции в правоохранительных органах.

44 В современных условиях можно выделить следующие основные направления формирования антикоррупционного поведения сотрудников и работников правоохранительных органов:

1. Совершенствование основ правового статуса сотрудника (работника) правоохранительных органов.

2. Внедрение и соблюдение стандарта антикоррупционного поведения - единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в деятельности правоохранительных органов.

3. Нравственные основы антикоррупционного поведения – этические правила служебного поведения, которые рекомендуется соблюдать государственным служащим во избежание коррупционных поступков.

4. Применение норм юридической ответственности за коррупционные правонарушения по законодательству Российской Федерации: а) уголовной, б) административной, в) дисциплинарной, г) гражданско-правовой.

Антикоррупционные требования правового статуса находят свое применение при поступлении сотрудника на службу, когда он в обязательном порядке проходит психофизиологическое обследование, специальную проверку. Так, на кандидата, принимаемого на службу в органы внутренних дел, в обязательном порядке должен быть дано личное поручительство действующий сотрудник, имеющий стаж службы не менее трех лет, несущий ответственность за данное поручительство. Не принимаются на службу кандидаты, которые не согласны соблюдать обязанности, ограничения и запреты, связанные со статусом сотрудника ОВД.

После зачисления на службу и присвоения специального звания сотрудник наделяется полномочиями, правами и обязанностями по направлению деятельности и соответствующей должности. При этом большое значение имеет установленный порядок прохождения государственной службы, в процессе которого реализуются права и полномочия сотрудника (работника). Это регулируется законами, подзаконными нормативными правовыми актами, административными регламентами, должностными инструкциями, которые должны включать в себя положения, исключающие возможность для коррупционного поведения и конфликта интересов [9, с. 120].

Применяются различные механизмы контроля соблюдения антикоррупционных требований в отношении сотрудников органов внутренних дел. Внутриведомственный контроль в МВД России включает в себя проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов, мониторинг применения нормативных правовых актов МВД России, отчеты об антикоррупционной работе в различных подразделениях ОВД. Вневедомственный контроль и надзор за деятельностью полиции установлен гл.

44

¹О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции: указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10 ФЗ № 3 «О полиции»¹. Общественный контроль за работой полиции осуществляется со стороны граждан, общественных организаций, Общественной палаты РФ и общественных наблюдательных комиссий.

Согласно законодательству Российской Федерации, важным направлением деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции является введение стандартов антикоррупционного поведения (ст. 7 ФЗ № 273 от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции») – единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции.

Антикоррупционный стандарт основан на нравственных нормах служебного поведения, правилах профессиональной этики, которым должны следовать сотрудники органов внутренних дел, не допуская коррупционно опасного поведения. Сотрудникам полиции рекомендовано руководствоваться нормами Типового кодекса². За нарушение антикоррупционного стандарта поведения предусмотрено моральное осуждение, которое учитывается при проведении аттестаций, формировании кадрового резерва, а также при наложении (снятии) дисциплинарных взысканий.

Вместе с тем следует учитывать, что на сегодняшний день отсутствует единый акт, содержащий все основные элементы антикоррупционного стандарта, они с разной степенью конкретизации указаны в различных законах и подзаконных нормативных правовых актах, что затрудняет их изучение, восприятие, исполнение сотрудниками органов внутренних дел. Так, в ФЗ № 3 «О полиции» от 7 февраля 2011 г. в п. 10, 12, 13, 14 ч.1 ст. 27 в указаны всего четыре антикоррупционные обязанности сотрудника полиции, а

в других нормативных правовых актах их насчитывается не менее девяти.

Кроме того, п. 10 ч.1 ст. 27 указанного закона обязывает сотрудника полиции представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Вместе с тем ФЗ № 342 «О службе в органах внутренних дел» п. 9 ст. 12 предписано представлять не только сведения о доходах, но и сведения о расходах, не уточняя необходимые для этого условия.

В п.13 ч.1 ст.27 ФЗ № 3 «О полиции» от 7 февраля 2011 г. указана обязанность сообщать непосредственному начальнику о возникновении личной заинтересованности, которая может привести к конфликту интересов при выполнении служебных обязанностей, и принимать меры по предотвращению такого конфликта, но при этом не указаны сроки и форма уведомления³.

Исходя из норм, существующих в различных нормативных правовых актах, сотрудникам органов внутренних дел не всегда понятно, кого именно они должны уведомлять в случае возникновения личной заинтересованности при исполнении служебных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов. Так, ФЗ № 273 от 25 декабря 2008 г. (ред. от 26.07.2019) «О противодействии коррупции» обязывает служащего «уведомить в порядке, определенном представителем нанимателя (работодателем) в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации, о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения»; ФЗ № 342 «О службе в органах внутренних дел» в ч.4 ст. 71 указывает, что сотрудник органов внутренних дел

¹ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г., протокол № 21.

³ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обязан «уведомить непосредственного руководителя (начальника)»¹; а приказ МВД России от 03 мая 2017 г. № 258 требует, чтобы сотрудники и работники не позднее рабочего дня, следующего за днем, когда им стало известно о возникновении личной заинтересованности, должны представить представителю нанимателя (работодателю) в ходе личного приема или через кадровое подразделение соответствующее уведомление в письменной форме»².

Представляется необходимым устранить эти и другие разночтения в антикоррупционном стандарте поведения сотрудников органов внутренних дел. В связи с чем в ч.1 ст. 27 в ФЗ № 3 от 7 февраля 2011 г. «О полиции», вместо

пунктов 10, 12, 13, 14 оставить пункт о том, что сотрудник полиции обязан выполнять требования антикоррупционного стандарта поведения сотрудника ОВД, а сам антикоррупционный стандарт поведения изложить в специальной главе ФЗ № 342 от 30 ноября 2011 г. «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» либо в «Кодексе антикоррупционного поведения сотрудников ОВД», в который необходимо поместить систематизированные, четко и однозначно сформулированные, унифицированные с федеральными законами, подзаконными нормативными правовыми актами нормы антикоррупционного поведения сотрудников (работников) МВД России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин, О.М. Землина, В.В. Козлов. М.: Юрайт, 2019. 197 с.
2. Шалагин А.Е., Кабиров Д.Э. Приоритетные направления предупреждения коррупционной преступности на современном этапе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1(19). С. 63 – 67.
3. Противодействие коррупции: учебник и практикум / под общ. ред. Е.В. Охотского. М.: Юрайт, 2016. 367 с.
4. Кирпичников А.И. Российская коррупция. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 439 с.
5. Ильичев И.Е. МВД в системе противодействия коррупции // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 1. С. 28 – 42.
6. Кабанов П.А. Реализация принципа поощрения антикоррупционной деятельности в Российской Федерации // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 410 – 425.
7. Гребенкин М.Ю., Шалагин А.Е. Антикоррупционные меры и их применение в органах внутренних дел // Совершенствование деятельности правоохранительных органов и институтов гражданского общества по противодействию коррупции: материалы всероссийского круглого стола. Казань: КЮИ МВД России, 2019. С. 37 – 40.
8. Личностные характеристики преступников: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. 311 с.
9. Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Меры антикоррупционной профилактики и их реализация // Совершенствование деятельности правоохранительных органов и институтов гражданского общества по противодействию коррупции: материалы международного круглого стола / под ред. С.Н. Миронова. Казань: КЮИ МВД России, 2018. С. 119 – 122.

¹О службе в органах внутренних дел Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²Об утверждении Порядка уведомления сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, федеральными государственными гражданскими служащими системы МВД России и работниками, замещающими отдельные должности в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед МВД России, о возникновении личной заинтересованности при исполнении служебных (должностных, трудовых) обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов: приказ МВД России от 3 мая 2017 г. № 258 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Pravovye osnovy protivodejstviya korrupcii: uchebnik i praktikum / A.I. Zemlin, V.M. Koryakin, O.M. Zemlina, V.V. Kozlov. M.: YUrajt, 2019. 197 s.
2. SHalagin A.E., Kabirov D.E. Prioritetnye napravleniya preduprezhdeniya korrupcionnoj prestupnosti na sovremennom etape // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 1(19). S. 63 – 67.
3. Protivodejstvie korrupcii: uchebnik i praktikum / pod obshch. red. E.V. Ohotskogo. M.: YUrajt, 2016. 367 s.
4. Kirpichnikov A.I. Rossijskaya korrupciya. SPb.: YUridicheskij centr Press, 2004. 439 s.
5. Il'ichev I.E. MVD v sisteme protivodejstviya korrupcii // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2019. № 1. S. 28 – 42.
6. Kabanov P.A. Realizaciya principa pooshchreniya antikorrupcionnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii // YUridicheskaya tekhnika. 2020. № 14. S. 410 – 425.
7. Grebenkin M.YU., SHalagin A.E. Antikorrupcionnye mery i ih primenenie v organah vnutrennih del // Sovershenstvovanie deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov i institutov grazhdanskogo obshchestva po protivodejstviyu korrupcii: materialy vserossijskogo kruglogo stola. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2019. S. 37 – 40.
8. Lichnostnye harakteristiki prestupnikov: monografiya / pod red. YU.M. Antonyana. M.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2018. 311 s.
9. SHalagin A.E., Grebenkin M.YU. Mery antikorrupcionnoj profilaktiki i ih realizaciya // Sovershenstvovanie deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov i institutov grazhdanskogo obshchestva po protivodejstviyu korrupcii: materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola / pod red. S.N. Mironova. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2018. S. 119 – 122.

47

Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: aeshalagin@yandex.ru

Гребенкин Михаил Юрьевич, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: mikegrebenkin@mail.ru

Shalagin Anton Yevgenjevich, Head of Criminology and Penal Enforcement Law Department, the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor
e-mail: aeshalagin@yandex.ru

Grebenkin Mihail Yurjevich, Lecturer of Criminology and Penal Enforcement Law, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: mikegrebenkin@mail.ru

© Шалагин А.Е., 2020

© Гребенкин М.Ю., 2020

Статья получена: 20.03.2020. Статья принята к публикации: 15.04.2020. Статья опубликована онлайн: 30.04.2020.

Заявленный вклад авторов:

Шалагин Антон Евгеньевич – разработка концептуальных подходов исследования; поиск исторических и аналитических материалов в научных источниках; обобщение и систематизация материалов исследования, итоговое редактирование.

Гребенкин Михаил Юрьевич – анализ научной литературы; подготовка первоначального варианта текста; формулирование выводов; оформление справочно-библиографического аппарата.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

47

Г.В. Макович

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРАВОВОМ
АНАЛИЗЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ

LINGUISTIC COMPETENCE IN LEGAL ANALYSIS OF LAWS

В статье рассматривается лингвистическая составляющая, определяющая качество законодательного документа и правоприменительной практики. Предлагаются направления совершенствования законодательного документа с точки зрения юридической техники и определяются лингвистические показатели его точности, ясности, краткости.

Ключевые слова: качественный законодательный документ, понятия точного значения, оценочные понятия

Для цитирования: Макович Г.В. Лингвистические компетенции в правовом анализе законодательных актов // Ученые записки Казанского института МВД России. 2020. Т. 5. № 1(9). С. 48 – 51.

The article considers the linguistic component of legislative practice that determines the quality of a legislative document and law enforcement practice. Directions for improving the legislative document are proposed and linguistic indicators of its accuracy, clarity, and brevity are determined.

Key words: the quality of the legislative instrument, the concept of exact values, assessment concepts

For citation: Makovich G.V. Linguistic Competence in Legal Analysis of Laws // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 5. No. 1(9). P. 48 – 51.

Умение согласовывать правовые понятия с лингвистическими и верно с точки зрения языка обозначать юридически значимые обстоятельства конкретной правовой ситуации – важная профессиональная компетенция юриста. Она формируется в ведомственных образовательных организациях МВД России при изучении дисциплины «Русский язык и деловая документация», в межпредметном взаимодействии при конструировании образовательных модулей, которые в парадигме компетентностноориентированного подхода к обучению сориентированы на получение целостного результата обучения.

Формирование компетенции языковой точности обозначения правовых ситуаций осуществляется с применением

методов лингвистической экспертизы. Изучаются действующие законодательные акты. Лингвистический экспертный анализ выявляет, в какой степени текст отвечает критериям юридически и лингвистически грамотного законодательного документа.

В настоящее время существует несколько подходов к пониманию сущности лингвистической экспертизы законодательных актов и законопроектов. Согласно одному из подходов, лингвистическая экспертиза – это приведение языка и стиля законопроекта в соответствие с нормами современного русского литературного языка – грамматическими, орфографическими, пунктуационными, выявление разнобоя в терминологии, соотнесение терминов законопроекта с

терминами, применяемыми в законодательстве, устранение логических, технических ошибок. При таком понимании лингвистической экспертизы текст оценивается также с точки зрения его соответствия нормам официально-делового стиля [1, с. 25].

При другом подходе к лингвистической экспертизе, помимо указанных выше направлений анализа, производят замеры лингвистических показателей, которые лежат в основе правил юридической техники. Так, оцениваются точность, ясность, доступность, краткость законодательного документа [2, с. 61]. Эти параметры определяют эффективность законодательного акта и являются характеристиками его качества.

Под точностью законодательного документа понимают максимальное соответствие законодательной формулы идее, мысли законодателя. Точность предполагает четкость и однозначность формулировок, определенность значения, отсутствие многозначных слов, понятий. Нормативные высказывания не должны быть расплывчатыми, поскольку это ведет к декларативности, препятствует возможности единообразного понимания и применения нормативных предписаний и приводит к утрате действенного потенциала законодательного текста. В соответствии с технико-юридическими критериями точность означает употребление законодательных формул в утвердительном изложении, предполагает отсутствие отрицаний и глагольно-неопределенных конструкций.

Ясность законодательного документа – это такое качество текста, которое обеспечивает адекватное восприятие его смысла читающим. Законодательные документы как правоприменительные акты адресованы заинтересованным лицам – как отдельным гражданам, так и хозяйствующим субъектам, – и ясность придает понятность индивидуально-конкретному предписанию, вынесенному компетентным органом в итоге решения юридического дела. Законы,

принимаемые высшими представительными органами государственной власти, регулируют общественные отношения и должны восприниматься адекватно заложенному в них смыслу субъектами общественных отношений. Из анализа нормативных правовых документов следует, что законодатель ориентируется больше на профессиональное правосознание правоприменителя, чем на обыденное сознание субъектов общественных отношений, и это снижает регулятивную силу закона. Так, гражданское законодательство, призванное регулировать гражданские правоотношения, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, ориентировано не столько на сознание хозяйствующих субъектов, сколько на правовые диспозиции высшего порядка.

Ясность тексту придает синтаксический строй речи, а именно: прямой порядок слов, сложные предложения с небольшим количеством придаточных, ограниченное количество конструкций, осложняющих предложение. Ясность обеспечивается употреблением в законодательных текстах терминов, имеющих однозначное значение. Введение в текст дефиниций терминов повышает степень ясности законодательного документа.

Ценность для правоприменительной практики представляет краткость законодательных документов. Краткость обеспечивается отсутствием в тексте малоинформативных сочетаний, повторов и наличием выражений, представляющих придаточные части предложений. Конечно, краткость выражения не должна быть в ущерб содержанию, и все юридически значимые понятия должны найти свое выражение.

Задачей проведения лингвистической экспертизы в отношении законодательных документов является нахождение равновесия между точностью, ясностью и краткостью текста. Особого внимания требует оценка спосо-

50 бов выражения основных нормативных юридических понятий, необходимость дефиниций в нормативном акте, соотношение абстрактного и конкретного способов изложения мыслей, целесообразность выбора одного из терминов из ряда близких по значению и соотносительность избираемого термина с традициями терминологического употребления в действующем законодательстве, допустимость синонимии и развития многозначности термина в контексте, структура и грамматическая правильность терминологических сочетаний. Ключевым моментом лингво-юридической экспертизы является редактирование синтаксической структуры текста, формирование конструкций, которые бы не затеняли смысла, не содержали бы несколько смысловых центров в одной законодательной формуле. Важным также является синтаксическое единообразие и даже синтаксическая шаблонность нормативных формулировок.

Качество законодательного текста может быть обеспечено за счет регулирования в нем доли понятий точного значения и оценочных понятий. Понятия точного значения обозначаются однозначными терминами, имеющими определенное, закрытое, конкретизированное законодателем значение, как, например: *презумпция невиновности, состязательность сторон, разбой, грабеж, вандализм*.

Оценочные понятия являются относительно определенными, их содержание включает наиболее общие признаки явлений, действий и не является закрытым, предельным, конкретным: *особые приметы, следы преступления, не терпящий отлагательств, телесные повреждения*. Логическая структура значения оценочных понятий открытая, количество элементов значения неопределенно, значение абстрактно, нестабильно, а поэтому невозможно четко определить понятие.

Контент-анализ статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» свидетельствует, что в сильных позициях текста, к которым относятся начальные фрагменты структурных частей текста, стоят понятийные сочетания с оценочным значением «*явное неуважение к обществу*», «*публичные действия, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих*». Последующие пункты статьи развивают неконкретные по содержанию, нечеткие положения, несколько их не уточняя и за счет этого еще и усугубляя ситуацию неопределенности: «*Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний...*»¹. Такая семантическая структура законодательных актов вызывает проблемы в правоприменении. Эти проблемы стали специальным предметом рассмотрения в работах А.С. Мясникова [3], И.А. Кияткиной [4] и др.

50 При конструировании норм права законодатель должен минимизировать количество оценочных понятий или предусмотреть точное толкование этих понятий в подзаконных актах и иных документах, имеющих нормативную силу. Конечно, оценочные понятия создают возможность гибкого правового регулирования общественных отношений, возможность обобщить широкий спектр их разнообразных проявлений, реальных и потенциально возможных, и тем самым сделать законодательство устойчивым. Но такая юридическая техника оставляет широкие границы для правоприменителей. Возможность самостоятельной интерпретации содержания норм права ставит вопросы объективности правоприменителя, структуру личности которого и его профессиональных качеств в каждом конкретном случае общество и контрольно-надзорные ведомства не могут отслеживать.

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2020).

При наличии в законодательном акте оценочных понятий необходимо, чтобы у законодателя и законоприменителя совпадали категорийные и ценностные поля. Если владение категорийным аппаратом, умение работать над его формированием – это профессиональное качество, то ценности – это составляющая личности. При наличии открытых смысловых зон в законодательных актах общество должно снижать риски зависимости от субъективных факторов при принятии юридических решений.

Формирование лингвистической компетенции у курсантов образовательных

организаций системы МВД России в неразрывном единстве с формированием правовой компетенции происходит в процессе анализа законодательных актов. Этот единый процесс реализует образовательную задачу по развитию у обучающихся стремления и готовности признавать правовые ценности, активно способствовать совершенствованию законодательной и правоприменительной практики в направлении повышения ее стабильности, прозрачности, видеть зоны развития правового пространства и риски возможных сбоев законодательной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюшкина М.В. О лингвистической экспертизе законопроектов // Журнал российского права. 2016. № 4. С 24 – 32.
2. Керимов Д.А. Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие. М.: Норма, 2000. 183 с.
3. Мясников А.С. Некоторые проблемы применения статьи 148 УК РФ – нарушение права на свободу совести и вероисповедания // Юрист года: материалы научно-практического конкурса. Пенза, 2017. С. 26 – 28.
4. Кияткина И.А. Проблемы толкования нарушения права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ) // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11(114). С. 234 – 235.

REFERENCES

1. Batyushkina M.V. O lingvisticheskoy ekspertize zakonoproektov // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 4. S 24 – 32.
2. Kerimov D.A. Zakonodatel'naya tekhnika: nauch.-metod. i ucheb. posobie. M.: Norma, 2000. 183 s.
3. Myasnikov A.S. Nekotorye problemy primeneniya stat'i 148 UK RF – narushenie prava na svobodu sovesti i veroispovedaniya // Yurist goda: materialy nauchno-prakticheskogo konkursa. Penza, 2017. S. 26 – 28.
4. Kiyatkina I.A. Problemy tolkovaniya narusheniya prava na svobodu sovesti i veroispovedanij (st. 148 UK RF) // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 11(114). S. 234 – 235.

Макович Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД России
e-mail: galinavlad@yandex.ru

Makovich Galina Vladimirovna, Doctor of Philological Sciences (Doctor habilitatus), Professor, Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of MIA of Russia
e-mail: galinavlad@yandex.ru

©Макович Г.В., 2020

Статья получена: 09.04.2020. Статья принята к публикации: 15.04.2020. Статья опубликована онлайн: 30.04.2020.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

В.Г. Старостин

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ КУРСАНТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

FEATURES OF PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES
DEVELOPMENT IN CADETS OF EDUCATIONAL
ORGANIZATIONS OF MIA OF RUSSIA

В статье представлен анализ профессиональных требований, предъявляемых к сотрудникам органов внутренних дел, и на его основе рассмотрены особенности формирования профессионально важных качеств у курсантов образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова: профессионально важные качества; компетентность; компетенции

Для цитирования: Старостин В.Г. Особенности формирования профессионально важных качеств курсантов образовательных организаций МВД России // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 1(9). С. 52 – 55.

The author analyzes professional requirements of internal affairs bodies and on its basis considers features of formation of professionally important qualities of cadets of higher educational institutions of MIA of Russia.

Keywords: professionally important qualities; competency; competences

For citation: Starostin V.G. Features of Professionally Important Qualities Development in Cadets of Educational Organizations of MIA of Russia // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 5. No 1(9). Pp. 52 – 55.

Для любого государства одной из приоритетных задач является обеспечение правопорядка на своей территории. Выполнение данной задачи не представляется возможным без привлечения сотрудников силовых структур, в том числе сотрудников органов внутренних дел. На органы внутренних дел, согласно положениям указа Президента РФ от 21.12.2016 № 699, возлагаются такие задачи, как защита жизни, здоровья, законных интересов граждан Российской Федерации и иных лиц, находящихся на территории государства, обеспечение правопорядка, раскрытие преступлений, противодействие преступности и т.д.¹

Важность возлагаемых на органы внутренних дел задач обуславливает необходимость обеспечения высокого уровня профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, достижение которого возможно в результате формирования у курсантов образовательных организаций МВД России профессионально важных качеств и компетенций.

Проблема профессиональной компетентности в целом является достаточно обсуждаемой в педагогической науке. Заслуживает внимания позиция Н.С. Розова, который видит в профессиональной компетентности три основных компонента: 1) смысловой, предполагающий общее осознание специалистами той или

¹ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 25.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2016. 26 декабря. № 52 (Часть V). Ст. 7614.

иной профессиональной ситуации; 2) проблемно-практический, предполагающий эффективное достижение целей и выполнение поставленных задач; 3) коммуникативный, предполагающий навыки общения и преодоления конфликтных ситуаций [1].

В рамках обучения в образовательной организации МВД России у курсантов формируются общие и специальные компетенции. Общими являются такие компетенции, которые присущи всем высшим образовательным организациям вне зависимости от направления подготовки. Специальные компетенции – это компетенции, необходимые для осуществления профессиональной деятельности сотрудниками органов внутренних дел.

Таким образом, у курсантов образовательных организаций МВД России должен быть сформирован широкий круг компетенций: общекультурных, исследовательских, коммуникативных, воспитательных, здоровьесберегающих, компетенций саморазвития и непосредственно профессиональных компетенций.

Компетенции приобретают в полной мере свое значение лишь при условии использования специалистом приобретенных им в вузе знаний, умений и навыков в профессиональной деятельности и получения положительного результата при их применении [2].

Особенности формирования профессионально важных качеств курсантов образовательных организаций МВД России обусловлены требованиями, предъявляемыми государством к сотрудникам органов внутренних дел. В силу особенностей своей профессии сотрудники органов внутренних дел должны быть физически выносливыми, способными противостоять преступнику, обладать психологической устойчивостью, высокими коммуникативными навыками, логическим мышлением и способностью анализировать большой объем информации. Иными словами, на будущих сотрудников органов внутренних дел возложена высокая социальная ответственность.

Вместе с тем, рассматривая проблему формирования профессионально важных качеств курсантов образовательных организаций МВД России, стоит учитывать, что при выполнении своей служебной деятельности, помимо множества обязанностей, они также обладают широким кругом полномочий, например, правом запрашивать различные документы у организаций и граждан, получать право доступа в жилые и нежилые помещения, а также применять физическую силу и оружие в определенных случаях. Все это обуславливает необходимость формирования у курсантов в рамках их профессиональной подготовки корректных нравственных ориентиров и осознания назначения своей профессии.

Профессионально важные качества являются составной частью компетенций курсантов образовательных организаций МВД России. Так, в рамках общекультурных компетенций формируются такие профессионально важные качества, как профессиональная нравственность, знание основных закономерностей функционирования общества и историко-культурного развития человечества. Исследовательские компетенции включают умение собирать и анализировать информацию, применять логическое мышление. Коммуникативные компетенции предполагают знание социальных норм, а также специфики поведения тех или иных категорий людей, умение предупреждать и преодолевать конфликтные ситуации. Воспитательные компетенции предполагают наличие общих знаний психологии, способности руководить коллективом. Здоровьесберегающие компетенции включают знание основ здорового образа жизни, наличие и поддержание надлежащей физической формы. Компетенции саморазвития подразумевают наличие мотивации к самосовершенствованию и самостоятельному получению новых знаний и навыков. Профессиональные компетенции предполагают наличие специальных знаний

в сфере права, устройства и функционирования государственных органов, владение навыками составления служебных документов, сбора и обработки служебной информации, навыками поведения при осуществлении следственных действий и т.д.

Таким образом, перед вузом встает непростая задача – реализовать надлежащую подготовку курсантов в ограниченных временных рамках, при этом такую подготовку, которая позволит сформировать у курсантов весь объем вышеуказанных компетенций и обеспечить будущим полицейским как профессиональную, так и личную реализацию.

Учитывая особенности профессии сотрудника внутренних дел, для образовательного процесса вуза системы МВД России одним из приоритетных является личностно-ориентированный подход, обеспечивающий реализацию процессов самопознания курсантов, развития у них личностных качеств и ориентацию на дальнейшее саморазвитие и самосовершенствование.

При освоении курсантами образовательной программы необходимо делать акцент не просто на получении ими теоретических знаний, а на осознании специфики выбранной ими профессии и той профессиональной деятельности, которую им предстоит осуществлять.

Будущие сотрудники органов внутренних дел должны видеть взаимосвязь между учебным материалом, преподаваемым в вузе, и предстоящей им практической деятельностью. Для этого в процессе преподавания специальных дисциплин представляется необходимым

уделять больше внимания примерам из практики, формированию у курсантов навыков составления служебных документов, разрешения проблемных практических вопросов путем решения задач.

Кроме того, курсанты образовательных организаций МВД России должны иметь четкое представление о тех требованиях, которые предъявляются государством к сотрудникам органов внутренних дел и которым сотрудники должны соответствовать. В связи с этим необходимо уделять внимание ценностной ориентации курсантов и их нравственному воспитанию.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что профессиональная подготовка курсантов образовательных организаций МВД России в силу специфики профессии будущих служителей правопорядка осуществляется по нескольким направлениям: морально-нравственное воспитание, гражданско-патриотическое, развитие у курсантов воспитательных компетенций, физическое (спортивное) воспитание и формирование непосредственно профессиональных качеств и навыков.

Таким образом, профессиональная подготовка курсантов образовательных организаций МВД России должна осуществляться поэтапно, в соответствии с разработанным и логически выстроенным планом, с учетом особенностей и в соответствии со структурой всех компетенций, которые должны быть сформированы у выпускника вуза МВД России, а также требованиями, предъявляемыми к сотрудникам органов внутренних дел государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розов Н.С. Философия гуманитарного образования: ценностные основания и концепция базового гуманитарного образования в высшей школе. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1993.
2. Зеер Э.Ф., Заводчиков Д.П. Практика формирования компетенций: методологический аспект // Формирование компетенций в практике преподавания общих и специальных дисциплин в учреждениях среднего профессионального образования: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции 05.05.2011. Екатеринбург, 2011. С. 10 – 13.

REFERENCES

1. Rozov N.S. Filosofiya gumanitarnogo obrazovaniya: cennostnye osnovaniya i koncepciya bazovogo gumanitarnogo obrazovaniya v vysshej shkole. M.: Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 1993.
2. Zeer E.F., Zavodchikov D.P. Praktika formirovaniya kompetencij: metodologicheskij aspekt // Formirovanie kompetencij v praktike prepodavaniya obshchih i special'nyh disciplin v uchrezhdeniyah srednego professional'nogo obrazovaniya: sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii 05.05.2011. Ekaterinburg, 2011. S. 10 – 13.

Старостин Вадим Геннадьевич, старший преподаватель кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России
e-mail: vgstarostin@mail.ru

© Старостин В.Г., 2020

Starostin Vladimir Gennadjevich, Senior Lecturer, Physical Training, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: vgstarostin@mail.ru

Статья получена: 05.03.2020. Статья принята к публикации: 15.04.2020. Статья опубликована онлайн: 30.04.2020.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в электронном журнале «Ученые записки Казанского юридического института МВД России».

Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.

Журнал издается 2 раза в год.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в электронный журнал «Ученые записки Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде.

2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).

3. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:

- сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (email, телефон);

- заглавие публикуемого материала;

- индекс УДК;

- аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи. Ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке) должны отражать суть работы, научную новизну.

4. Объем статьи – от 5 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;

- параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;

- абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;

- ссылки на источник даются по тексту – в скобках, в виде списка литературы в конце рукописи, оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.

6. Публикация статей в журнале бесплатно.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие данным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

С каждым автором заключается лицензионный договор о передаче Институту прав на использование представленных им материалов. Этим же договором автор гарантирует, что является обладателем исключительных прав на представляемое произведение.

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, версий английского перевода, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru, с пометкой «Для электронного журнала»).